Гудошников

Декабрьские БОИ 1917 в Иркутске

ИСТПАРТ ВОСТОЧНОСИБИРСКОГО КРАЙКОМА ВКП(б).
ИРКУТСКИЙ ГОРОДСКОЙ КОМИТЕТ ВКП(б)

М. А. Гудошников

ДЕКАБРЬСКИЕ БОИ 1917 г. В ИРКУТСКЕ

МОСКВА—1932—ИРКУТСК

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

I. Предпосылки „декабря“ 1

II. Общий ход боев 20

III. Гимназия Гайдук 32

IV. Белый дом 39

V. Победа 45

Приложение

I. Информация Центросибири о результатах иркутских боев 55

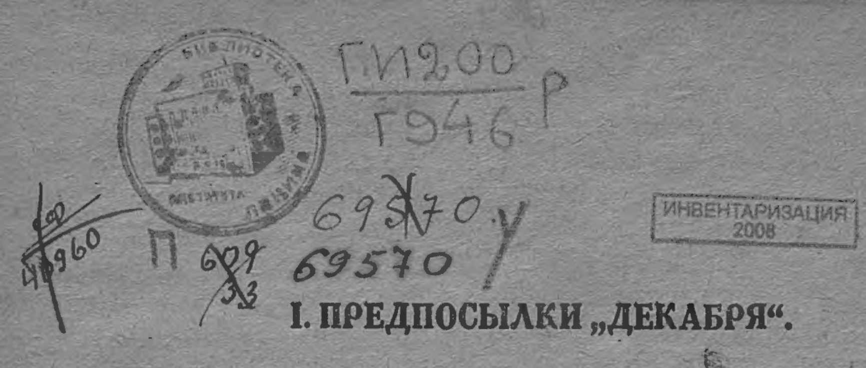
II. Объявление Иркутского совета рабочих и солдатских депутатов 56

III. Церемониал похорон жертв восстания 57

IV. Траурное объявление о похоронах 59

V. Постановление Иркутского Горкома ВКП(б) о праздновании 15-тилетия декабрьских боев . . 60

VI. Литература 63

I. ПРЕДПОСЫЛКИ „ДЕКАБРЯ“.

В ряде городов России октябрьский переворот, т. е. захват власти советами (не приурочивая его именно к октябрю мес., он в большинстве пунктов был не в октябре, а позднее) производился путем кровавых схваток. Материальной силой с одной стороны были юнкера и офицеры, а с другой солдаты и красногвардейцы. Идеологическое руководство контрреволюцией с самого начала попало в руки меньшевиков и эсеров, Так было и в Иркутске. В то время как во всех сибирских городах к моменту октября влияние большевиков в местных советах, казармах было настолько велико и перевес сил был так значителен, что буржуазия уступила власть почти без боя, в Иркутске потребовался 8-дневный бой с широким применением военно-технических средств. Был ряд особых причин, которые привели Иркутск к упорным девятидневным боям с 21 по 30 декабря 1917 года. Но прежде чем перейти к предпосылкам этих событий, попутно следует выяснить один вопрос. Большинство, кто писал об этих событиях и в журнальных и в газетных статьях говорили о юнкерском мятеже, вкладывая в это название тот смысл, что к моменту событий советская власть в Иркутске уже существовала и юнкера подняли против советов вооруженный мятеж, который пришлось ликвидировать местному революционному гарнизону и Красной гвардии и вызывать на помощь ряд советских частей с запада, из Черемхово, Канска, Красноярска и т. д. Несколько иной точки зрения держится т. Р. Эйдеман, который пишет: „Иркутскую борьбу я называю восстанием. Гражданскую войну,

правда, начали юнкера. Но наша борьба с ними была ни чем иным как пролетарским восстанием против еще не совсем рухнувшей в Иркутске власти Временного правительства". Подходя формально к этому вопросу, как будто надо признать правыми сторонников первой точки зрения. В самом деле, еще с конца ноября в Иркутске существовал Исполнительный комитет Сибири (Центросибирь). Октябрьским переворотом свергнуто было не только правительство Керенского, но тем самым ликвидировались все провинциальные власти, подчинявшиеся этому правительству. Фактически дело было далеко не так. Созданный незадолго до декабрьских дней Военно-революционный комитет ни одним из правительственных учреждений признан не был и попытки ВРК послать своих комиссаров в правительственные учреждения (банк, телеграф) привели к забастовке служащих. Оставалось одно: доломать окончательно губернскую правительственную машину, выражающую соотношение общественных сил позавчерашнего дня.

Предпосылки иркутского „декабря" надо искать как в характере самого города, так и в событиях первых семи месяцев революции 1917 г.

В дореволюционное время в Иркутске главную роль играл торговый капитал. Это в значительной мере объясняется географическим положением самого города, находящегося, во-первых, на единственном пути, ведущем в Якутию с ее охотничьими богатствами, во-вторых, Иркутск был крупным транзитным пунктом в торговле с Монголией и Китаем. Кроме того, Иркутск как и все города восточных окраин, был насыщен значительным контингентом бюрократии и служилой интеллигенции. По подсчетам Б. Шумяцкого, контингент этой группы равнялся приблизительно 20 тысячам человек: первая группа бюрократии (офицеры, жандармы, полиция, чиновники судебного и тюремного ведомств)— 5300 человек; вторая группа бюрократии (чиновники государственных учреждений и ведомств) — 1960 чело-

век; третья группа бюрократии (служащие земских и городских учреждений, ученых обществ и т. д.) — 1270 человек; служители религиозных культов—780 человек, железнодорожные служащие (без рабочих)—2000 человек; почтово-телеграфные служащие (без рабочих) — 900 человек; банковские служащие — 500 человек; торгово-промышленные служащие — 6200 человек; кооперативные служащие — 500 человек; адвокаты, врачи и другие лица „свободных профессий" — 1100 человек. „Иначе говоря,—делает итог тов. Шумяцкий,—из 100-110 тысяч населения Иркутска (1913-14 гг.) 20% составляли бюрократия и торгово-промышленные служащие, а с семьями они составляли уже почти половину всего городского населения. С началом войны это соотношение еще более увеличилось в пользу бюрократии благодаря росту военщины". „Значение Иркутска определялось и тем обстоятельством, что здесь находился штаб военного округа. После февральской революции около штаба округа, в связи с нарушением нормального людского пополнения фронта, стали скопляться значительные группы офицеров, числившихся в резерве штаба округа. Впоследствии среди офицеров оказалось не мало и корниловцев. Следует иметь в виду, что перед корниловским восстанием с фронта в тыл были двинуты значительные группы реакционно настроенных офицеров под предлогом отдыха и замены на не побывавшими на фронте... Для этой цели, повидимому рассылались и определенные группы унтер-офицеров фронтовиков, которые в изобилии появились в июле и августе в наиболее революционных гарнизонах Сибири. Резерв офицеров Иркутского военного округа впоследствии в декабрьских событиях сыграл немаловажную роль" (Р. Эйдеман).

В то же время Иркутск имел слабо развернутую промышленность. Это были предприятия преимущественно небольшие — кожевенные заводы, типографии, военно-обозные мастерские и т. д. В общей сложности в Иркутске насчитывалось не более 6—7 тыс. рабочих. Таким образом Иркутск по своему характеру был

купечески-бюрократическим городом с незначительной пролетарской прослойкой. Социальным составом населения Иркутска и надо объяснить большое влияние эсеров и меньшевиков. Не даром местные большевики накануне „декабря“ провели в жизнь положение, что правом выбирать в советы пользуются только лица физического труда, остальные категории (служащие) пользовались правом представительства. Эта мера имела целью сделать мелкобуржуазные советы пролетарско-солдатскими, а следовательно и большевистскими. Только этим большевики и добились большинства в советах.

С первых же дней февральской революции во всех сибирских городах, за исключением Красноярска, наблюдается засилъе меньшевиков и эсеров. Значительное количество ссыльной интеллигенции, членов названных партий, оседает в городах Сибири, выдвигается в советы, работает в различного рода общественных организациях (профсоюзы Городские думы, созданные в середине лета земства и т. д.). Так в Иркутске на некоторое время „властителями дум“ становятся известные меньшевики И. Церетелли и В. Войтинский, впоследствии „вождем демократии“ становится эсер Е. Тимофеев, известный нам больше по процессу эсеров. Меньшевики и выдвинули тогда идею „единства“. По их мысли и меньшевики и большевики должны состоять в одной организации, прекратить всякую фракционную работу. Иркутская губернская конференция с.-д. организаций, происходившая уже в конце лета, вынесла следующую резолюцию: „Принимая во внимание, что в Иркутской с.-д. организации не существовало и не существует сильно представленных крайних, непримиримых течений, что резолюция губернской конференции о текущем моменте создала почву для совместных действий, что раскол организации неизбежно поведет как ту так и другую часть организации в сторону крайностей и будет способствовать дальнейшему углублению раскола, что интересы пролетариата требуют воссоздания единой рабочей партии

и что только объединение предупредит разрозненные выступления пролетариата, конференция высказывается за объединение Иркутской организации и считает недопустимым какую бы то ни было фракционную борьбу на предвыборных собраниях, во всех выступлениях перед массами. Конференция настаивает на координации действий обоих организаций, поручив их комитетам немедленную ликвидацию раскола" (цитирую по Шумяцкому „Сибирь на путях к Октябрю"). Особенно показательной для успеха объединенцев была Красноярская общесибирская конференция объединенных с.-д. организаций. На этой конференции представитель Иркутской объединенной организации говорил, что представляемая им организация может работать и прекрасно уживаться в рамках единой партии как с Плехановым, так и равно с Лениным. На этой же конференции представитель Среднесибирского бюро ЦК партии большевиков лишается своего решающего мандата. Этим фактом меньшевики показали настоящую цену своим крикам о „единстве партии".

До самого конца сентября иркутские большевики не хотели выходить из объединенной организации. Правда, в начале июля ряды Иркутской с.-д. организации как будто поколебались. Часть членов организации большевиков решила стать на путь раскола с соглашателями. Была даже принята и оглашена особая резолюция. Но после нескольких дней иркутские большевики вынуждены были отступить, учтя настроение малоподготовленных к расколу местных рабочих. Вскоре после была созвана губернская конференция объединенцев, где и восторжествовала соглашательская линия, на этой конференции и была принята вышеприведенная резолюция. Иркутских большевиков к расколу подтолкнули красноярцы. Из Красноярска в Иркутск прибыл ряд видных большевиков, они повели организационную и пропагандистскую работу. Красноярцы выступали на рабочих собраниях, солдатских митингах, в совете. Буржуазные и социал-соглашательские газеты выливали на красноярцев целые ушаты клеветы, назы-

вая их „большевистскими гастролерами“. Как бы то ни было, роль красноярцев в большевизации Иркутска весьма значительна.

В комитет большевистской организации после раскола вошли: секретарем К. Гершевич и членами Я. Янсон, М. Трилиссер, Б. Шумяцкий, Н. Швецов, Новосадский, Я. Шумяцкий и Н. Чужак-Насимович. Партийным же комитетом разработан был план военной организации или как тогда ее называли „военки“.

Не надо забывать и того, какие порядки создали в Иркутске меньшевики и эсеры, чтобы понять трудность создания большевистской военной организации. По словам Б. Шумяцкого,—они „установили режим, которого не знал в это время ни один из городов средней и западной Сибири“. С самого начала революции в Иркутске был создан комитет объединенных организаций и Совет рабочих депутатов. „В первом верховодили правые эсеры, а во втором имели большинство большевики. Но когда в состав совета влились служащие и когда меньшевики с эсерами заключили блок, большинство перешли в руки последних“ (Р. Знаменская).

Отдельно от Совета рабочих депутатов был организован Совет военных депутатов. Там господами положения оказались эсеры, так как среди офицерства было много эсеров. В мае, когда происходил I съезд Советов Восточной Сибири, оборонческий по своим решениям, было создано окружное бюро. Оно конструировалось по принципу правительства. Каждый совет (рабочий, военный, крестьянский) [1] посылал по 15 делегатов. К октябрю месяцу все эти советские организации давно уже перестали отражать действительное соотношение сил. По мере того, как левели массы все правее и контрреволюционнее становились советы „власть фактически была,—пишет Б. Шумяц-

---

[1] 13—16 апреля старого стиля в Иркутске состоялся губернский крестьянский съезд, прошедший под преобладающим влиянием партии с.-р. На этом съезде был выбран Совет крестьянских депутатов.

кий,—сосредоточена в руках комиссара временного правительства эсера Кругликова, а военная—в руках командующего войсками генерала Самарина. При них, в качестве демократического прикрытия, состояли по гражданской части оба совета, плюс какая-то межеумочная организация в виде Восточносибирского бюро советов, а по военной части таким плащем добродетели для бывшего царского генерала была военно-исполнительная комиссия Иркутского военного совета. Все эти органы занимались штемпелеванием того, что предлагало им начальство". Еще более советы потеряли всякое доверие масс после событий в Иркутском гарнизоне. На почве недовольства войной среди солдат 9, 11 и 12 полков большое влияние приобретают анархисты. Под их руководством создан был беспартийный солдатский союз, который поставил вопрос об экспроприации буржуазной собственности. Были произведены среди солдат аресты, в ответ на это солдаты арестовывают командующего войсками Краковецкого. Окружное бюро, опираясь на юнкеров, разоружает солдат. Эти события многому научили иркутских большевиков. Вот почему партийный комитет и поставил в порядок дня создание „военки".

При фактическом господстве контрреволюции эту организацию пришлось создавать, соблюдая величайшую конспирацию. Через депутатов Военного совета большевиков были собраны нелегальные солдатские сассовки, где и выбраны были члены „военки". План маботы, принятый „военкой", сводился к следующему

1. Солдаты-большевики выбирают на делегатское робрание „военки" от каждых 20 человек — одного представителя.

2. Делегатское собрание выделяет бюро „военки".

3. Члены „военки", являясь сторонниками перехода власти в руки советов, безоговорочно выполняют решение делегатского собрания и бюро.

4. Каждый член „военки" ведет агитацию среди солдат и привлекает новых членов.

5. „Военка“ ставит своей целью добиться скорейшего возвращения оружия солдатам, разоруженным офицерами, с.-р. и меньшевиками при подавлении солдатского мятежа 20—21 сентября.

6. Добиться освобождения арестованных руководителей солдатского движения.

7. Добиться ликвидации соглашательского, а по составу преимущественно офицерского Совета военных депутатов и создание Совета солдатских депутатов, объединенного с Советом рабочих депутатов.

8. Добиться демократизации в частях гарнизона и выборности комсостава.

9. Оказать всемерное содействие ускорению организации в Иркутске рабочей Красной гвардии и помочь ей посылкой инструктора—обучать рабочих владеть оружием.

Результаты организации вскоре сказались. Созванный в цирке на Тихвинской площади митинг прошел под большевистским влиянием. На этом митинге по текущему вопросу была принята резолюция, предложенная большевиками. В резолюции, между прочим, говорилось: „солдаты иркутского гарнизона открыто заявляют, что в борьбе между соглашательскими партиями и революционным пролетариатом все их помыслы, а если потребуется, то и все их силы направлены и будут отданы делу борьбы с соглашателями, буржуазией и контрреволюционными генералами за доподлинно народную власть—власть советов“. Митинг требовал от местных властей „немедленного возвращения солдатам гарнизона оружия, отнятого военным училищем при провокационном разоружении после событий 20—21 сентября“. После этого митинга влияние большевистской партии и „военки“ среди солдат еще более усилилось. Рабочие и солдаты Иркутска тут впервые нащупали наличие своей организации, которой у них до сих пор не было. „Когда через два дня после этого митинга,—пишет т. Шумяцкий,—в Глазково было созвано первое общегородское открытое собрание иркутской организацией большевиков, туда явилось около тысячи

человек, по преимуществу рабочих и солдат, активных членов „военки“. Помещение, в котором происходило это собрание (железнодорожная школа) не могло вместить всех явившихся“. Таков был сегодняшний день большевистской организации. Происходящий одновременно с этими событиями 2-й Восточносибирский съезд отражал вчерашний день. Соотношение сил было следующее: из 115 мест большевики имели 32 места, левые с.-р.—15 мест. Объединенный блок правых с.-р. и меньшевиков провел на съезде свои резолюции о целях войны и поддержке Временного правительства. Соглашательским, конечно, очутилось и вновь выбранное бюро советов Восточной Сибири. Однако, происходивший через несколько дней общесибирский съезд советов принес соглашателям неожиданное разочарование: он был большевистским. Среди делегатов было 64 большевика, 35 левых с.-р., 10 меньшевиков-интернационалистов, 50 правых с.-р., 11 меньшевиков, 1 бундовец, 2 анархиста и 11 беспартийных.

Первый общесибирский съезд прошел под большевистским влиянием. Выбранный общесибирский Исполнительный комитет советов сокращенно „Центросибирь„ приступил к своей работе, которая сводилась главным образом к установлению связи с местами.

С этого времени в Иркутске фактически образовалось „двоевластие“. Представителем высшей власти в крае со стороны советской является „Центросибирь“, ей противостоит как орган Временного правительства бюро, выбранное на I съезде советов Восточной Сибири. Борьба становится все более и более острой. 7 ноября, старого стиля, т. е. через две недели после октябрьского переворота, в Сибири Окружное бюро отказалось считаться с решениями Центросибири. Это была фактически блокада высшего общесибирского органа власти. Письма Центросибири вскрывались, а телеграммы не принимались на телеграфе, ее газету отказывались печатать в типографии. Но это еще не значило, что полными хозяевами положения в Иркутске были эсеры и меньшевики. Репрессии, кото-

рые сыпались на Центросибирь, говорили скорее об ускользающей из под ног соглашателей власти.

Об этом времени А. Абов пишет: „С отъездом делегатов Общесибирского съезда, к Иркутску вновь вернулась его прежнее лицо. Руководящая головка Иркутского совета „Окружное бюро“ делала вид, как будто бы ничего не произошло. Были „советы“, но власти они брать не желали. Кажется организовался какой-то комитет или комендатура „для охраны революционного порядка“ во главе с Тимофеевым, который с этого времени тесно сошелся с активными офицерскими кругами“. Это обобщение, мягко выражаясь, не соответствует действительности. Как раз этого то благодушия, о котором говорится здесь („Советы не желали брать власти“, а руководящая головка „делала вид, что ничего не произошло“) и не было. Да и сам тов. Абов при дальнейшем изложении фактического материала говорит против этого обобщения. Была острая борьба за власть между большевиками и эсерами: первые не хотели отказаться от захвата власти, вторые уступить эту власть без боя.

Основные перепетии этой борьбы следующие: 29 октября в Первом общественном собрании (теперь клуб „КОР“) состоялось общее собрание представителей гарнизона. Докладчик говорил по вопрсу о захвате власти. Представители всех пехотных полков, т. е. 9, 10, 11 и 12 полков и 718 дружина высказываются за переход власти к советам. Такого же мнения была и иркутская артиллерия. Против перехода были казаки, военная школа и военные чиновники. Представитель казачьего дивизиона заявил, что казаки присоединяются к призыву казачьего съезда и стоят за Временное коалиционное правительство, за спокойствие и порядок. В результате огромным большинством была принята резолюция предложенная Центросибирью о передаче всей власти советам. За резолюцию большевиков голосовало 598 голосов, а за объединенную резолюцию эсеров и меньшевиков—230 голосов. 1 ноября на собрании Совета военных депутатов и представителей

воинских комитетов был переизбран состав совета. В совете большинство получили большевики.

События ноября месяца еще более обострили эту борьбу. 7 ноября членами право-социалистических партий создан был „Комитет защиты революции"—это сделано было, конечно, не без указания эсеровского центра, т. к. такие комитеты создавались в России почти повсеместно, а на другой день окружное бюро официально объявило о том, что оно не считается с Центросибирью. Это было уже начало войны. Замечательно то, что большевики как будто опаздывали по сравнению со своими противниками. В противовес „комитету защиты революции" „Военно-революционный комитет" был организован лишь спустя двенадцать дней, т. е. 19 ноября. Причина здесь совсем не в „робости" большевиков, а в том, что в этот момент большевики по горло были заняты подготовкой к перевыборам советов.

Как бы то ни было „блокада" Центросибири со стороны эсеровских властей началась. Эсеры захватили одну из информационных сводок Центросибири и устроили в Окружном бюро большевистской фракции скандал. В сводке между прочим говорилось. „Работа... Центросибири благодаря беспощадной борьбе комиссаров Временного правительства, поддерживаемая почти всеми цензовыми и правыми социалистическими группами и организациями, крайне затруднена. Но особенно сильное затруднение чинят они Центросибири тем, что отрезали эту общесибирскую организацию советов от телеграфных линий... Такое положение правые социалистические партии поддерживают силою вооруженных с ног до головы юнкеров (трех школ прапорщиков и одного военного училища) и трех казачьих сотен. На стороне революции стоят все пехотные части, т. е. 4 полка, 2 ополченских дружины и все три артиллерийских батареи. Революционные войска все время горят желанием соизмерить силы с юнкерами, но на стороне последних превосходство вооружения—пулеметы, бомбометы, гранаты и минометы, в то время, как революционные

войска предательски были разоружены при беспощадном усмирении несуществовавшего „бунта 20 и 21 сентября с. г.“

Таким образом примерно за месяц до боев обозначилась расстановка сил иркутского „декабря“. О бурном заседании Окружного бюро по поводу этой информационной сводки тов. Абов рассказывает в своих воспоминаниях следующее: „Вспоминается одно из заседаний Окружного бюро, на которое в возбуждении влетел какой-то из иркутских эсеров потрясая бумажкой.

— Посмотрите, посмотрите, что делает Центросибирь... Телеграммы какие шлет.

Телеграмма для иркутских воротил, конечно, была неприятная, в ней тов. Шумяцкий сообщал советам Сибири, что в Иркутске власть захватили ставленники Временного правительства, что идет натравливание населения на Центросибирь и что вооружаются юнкера. Особенно обидело эсеров выражение, что они захватили власть.

— Как захватили? Да она у нас была все время —вопили они. Начались бесконечные прения, поименные голосования. Фракция большевиков сделала заявление (т. Трилиссер), что Окружное бюро упорно отказывается определить свое отношение к Центросибири, фактически заняло позицию борьбы с нею, солидаризируясь с борьбой, которую ведут агенты Временного правительства против советов всей Сибири.

Мнение Окружного бюро по данному вопросу некомпетентно, как отражающее только одну сторону. Поэтому фракция большевиков от участия в голосовании отказалась. Заседание это происходило 10 ноября...

Одновременно эсеры и меньшевики приступают к организации белой гвардии под видом организации самоохраны жителей. 28 октября организован был временный комитет по охране революционного порядка из представителей Городской думы, земской комиссии, социалистических партий, комитета Совета военных и рабочих депутатов и ряда других организаций, втяну-

тых в сферу влияния право-социалистических партий. Комитет выделил в „революционную комендатуру" трех человек: Е. Тимофеева (с.-р.), Н. Патлых (с.-д.—меньшевик) и прапорщ. Милентьева. Комендатура поставила в известность начальников всех воинских частей, что они могут вызываться только по распоряжению комендатуры. При создании комендатуры усиленно ссылались на боязнь погромов. В воззвании указывалось на то, что „некоторые темные элементы, располагая оружием, уже потирают руки от удовольствия нажиться в самом недалеком будущем за счет мирного населения. В городе пока ведется скрытая пропаганда погромов". Но дело здесь было совсем не в боязни уголовных элементов. В другом воззвании комитет призывал „граждан города Иркутска организовать отряды добровольной гражданской милиции по участкам своих кварталов". На этот призыв скорейвсех откликнулись иркутские домовладельцы—Город в целях охраны,—постановляло собрание домовладельцев,—разбивается на отдельные части, части—на участки, иметь особого уполномоченного, заведывающего всеми живыми силами его улицы и по требованию последнего или по тревоге все записавшиеся должны собраться в заранее условленный пункт, где уполномоченный руководит этими отрядами. В свою очередь отряд этот находится в подчинении начальника участка и т. д. Руководство этой охраной взяли на себя несколько офицеров, а во главе ее стал полковник Скипетров, арестованный впоследствии Военным революционным комитетом. В руководстве восстанием Скипетров играл руководящую роль, а впоследствии он занимал видный пост у атамана Семенова.

15 ноября состоялись перевыборы Иркутского совета рабочих депутатов. В совете большинство получили большевики.

19 ноября в электро-театре „Глобус" (кино Гигант) состоялось объединенное заседание Советов рабочих и военных депутатов для решения вопроса о захвате власти. На собрании присутствовало около 500 человек. Председателем собрания 237 голосами выбран был

большевик Я. Янсон. Там высказывались представители всех политических партий. От большевиков выступал Б. Шумяцкий (по сведениям другой газеты— Я. Янсон), от левых эсеров—Таканайко, от правых эсеров—Е. Тимофеев, от меньшевиков—Н. Патлых, от анархистов—Ильницкий. Собрание носило очень бурный характер, внимание все время отвлекалось в сторону не без задней мысли, вероятно со стороны правосоциалистических партий, замучить собрание мелкими вопросами, бесконечными прениями по ним и в конце концов сорвать его.

Сначала эсеры настаивают на допущении представителей совета крестьянских депутатов с правом решающего голоса. Когда это большинством отвергается, поднимается вопрос об аресте некоего Кесленберга. Затем некто Ковнер от имени Бунда, на знамени которого стояла „де всегда борьба за свободу и социализм",—протестует против того, что какие-то солдаты искали продовольствие в еврейской синагоге. По поводу этого выступает ряд ораторов и вносится особая резолюция. Затем эсер Тимофеев просит слова по личному вопросу, а когда председатель собрания т. Янсон отказывает ему в этом, он кричит в президиум: „Вы трусы, боитесь слова!". Теперь только дошла очередь до докладчика Янсона. На передачу его речи эсеровская газета „Сибирь", очень скупа. Она только сообщает: „Янсон делает доклад о текущих событиях и о постановлении совета, образовании Красной гвардии, о самочинных обысках, которые были вызваны благодаря неимоверной скачке цен". После докладчика эсер Тимофеев выступает с длинной речью, в которой касается самочинных обысков, разгрома продовольственных лавок. Причем в его речи проскальзывает характерная черта, рисующая взаимоотношение между эсеровскими властями и юнкерами. Теперь уже для охраны продовольственных лавок от погромов посылают не солдат, а юнкеров. За Тимофеевым выступает анархист Ильницкий—это было первое выступление по существу. Ильницкий говорит о том, что анархисты против вся-

кой власти, но в теперешних условиях из двух зол надо выбирать меньшее, а таким меньшим злом будет советская власть, а поэтому анархисты за переход власти к советам. Во время его речи разыгрывается скандал. Оратор назвал юнкеров позором России. Казаки и юнкера устроили невообразимый шум.

Снова завязалась волынка о том как реагировать на этот вопрос. Затем снова был поднят вопрос о совещательных и решающих голосах. Снова меньшевики и эсеры выступают один за другим, бесконечно затягивая прения. При чтении отчета об этом собрании получается впечатление устроенной правыми партиями обструкции с тем, чтобы бесконечным затягиванием заседания сорвать этот вопрос. Но собрание терпеливо прошло через мели и подводные камни бесконечных выступлений и приняло следующую резолюцию, „Объединенный Совет рабочих и солдатских депутатов одобряет учреждения, созданные Объединенным комитетом на заседании 17 ноября Временного военно-революционного комитета, к которому переходит исключительное право распоряжения всеми военными силами Иркутского гарнизона и которому подчиняются все местные органы управления, впредь до организации советской власти рабочих, солдат и крестьян в лице Губернского комитета народных комиссаров.

Объединенный совет считает необходимым сейчас же организовать при совете специально продовольственную секцию для упорядочения продовольственного дела в Иркутске и введение немедленных мероприятий к смягчению продовольственного кризиса“. Эта резолюция большевиков прошла большинством 256 голосов, а меньшевистская собрали лишь 194 голоса.

Итак формально власть была в руках советов. Еще накануне на объединенном собрании большевистской фракции обоих советов военного и рабочего, Центросибири и Окружного бюро поставлен был вопрос о вооруженном захвате власти. Таким образом

выходит, что руководящие партийные верхи не думали ограничиться формальным переходом власти путем голосования, в благоприятном исходе этого голосования при большевистском настроении гарнизона и рабочих масс никто не сомневался. Спрашивается, зачем же нужно было добиваться этого голосования, раз все равно приходилось брать власть оружием. Голосование за захват власти нужно было затем, что большевики теперь получили санкцию масс на вооруженное восстание. Эта санкция рабочих и солдат нужна была, так как живой силой, на которую советская власть могла опереться в борьбе, был солдатский гарнизон и рабочая Красная гвардия.

На фракционном собрании партии большевиков нашлись скептики, отрицающие не самую необходимость восстания, но его немедленность. В качестве неблагоприятных условий указывали на неосуществимость захвата, так как хотя сил было и много, но вооружение и вся техника были на стороне эсеров и меньшевиков, опиравшихся на три школы прапорщиков, Военное училище, на казачьи части и громадный офицерский резерв, состоящий при штабе округа. Как на один из аргументов, чтобы отложить выступление, скептики указывали также и на неподготовленность к участию во власти советов местных левых эсеров, у которых под влиянием красноярских левых эсеров только что начала складываться собственная организация. Тем не менее противники выступления оказались в меньшинстве, и собрание приняло решение о взятии власти.

Это не значило, что собрание просто отмахнулось от трудностей и решило итти „на ура". Эти трудности ясно сознавались всеми. Главное было в неравенстве материальных сил. Правда, живых людей у советов было раз в десять больше, но они были безоружны. Собственно это соотношение — небольшое сравнительно количество юнкеров, но хорошо вооруженных и безоружная масса солдат — создалось еще во вторую половину сентября. Хотя у красных было

теперь одно важнейшее преимущество, которое и решило дело — это артиллерия, все три артиллерийские бригады были на стороне советов. В момент восстания среди юнкеров ходил слух, что командующему Краковецкому штаб советовал и артиллерию передать юнкерам, но тот не сделал этого, надеясь, что артиллерийские части благонадежны. Правда ли это или „легенда“, но во всяком случае юнкера считали, что они „сделали промах“, оставив артиллерию у солдат. Таким образом самый анализ декабрьских событий приводит нас к одному из их корней — сентябрьскому „солдатскому бунту“.

Вот что случилось в сентябре. 17 сентября, около 12 ч. дня на Тихвинской площади стал собираться солдатский митинг. Митинг организовали анархисты. На нем должны были солдаты обсуждать основные пункты устава „беспартийного союза солдат“. Основные положения докладчика из анархистов сводились к тому, что солдаты должны сконцентрироваться в едином беспартийном союзе, так как всякая политическая партия, будь она социалистическая, став у кормила власти, во многих случаях при разрешении того или иного вопроса (захват власти, мобилизация промышленности, отправка „буржуев“ на фронт) встречается с определенными рамками программы. Союз же беспартийных, будучи независим от всяких программ, поведет более активную политику. Митинг продолжался весь день. Все предложения анархистов встречались солдатами с восторгом, представителям меньшевиков и эсеров просто не давали говорить. Митинг принял резолюцию, предложенную анархистами. Там между прочим раскрывалось, что анархисты под „мобилизацией промышленности“ понимали уничтожение частной собственности. Право-социалистические верхи не нашли ничего лучше, как произвести аресты среди анархистов, они не ударили палец о палец, чтобы ликвидировать объективные причины солдатского недовольства — разгул спекуляции, увеличивающаяся дороговизна, вопрос о войне. Власти повели следствие в том смысле, что движение солдат руководилось

уголовными элементами, отрицая за солдатским движением всякий объективный смысл.

21 сентября солдаты 12 полка отказались выйти на занятия, это была своеобразная забастовка протеста против ареста их товарищей.

На уговаривание командующего войсками эсера Краковецкого солдаты ответили его арестом, посадив его на гауптвахту. Для освобождения командующего двинуты были роты школ прапорщиков с двумя орудиями. На требование разойтись и выдать зачинщиков, раздались крики: „К оружию, товарищи, защищайтесь!" Усмирители дали два артиллерийских выстрела. Солдаты 12 полка стали сдаваться и выдавать оружие. После этого Краковецкий повел свою „армию" из 2 школ прапорщиков, 2 рот 10 полка и военного училища к казармам 11 полка. Полк рассыпался перед казармами в цепь, рассыпались в цепь и юнкера. Началась перестрелка (по словам газет того времени, был убит только один фельдфебель), батарея от Крестовской церкви дала по казармам несколько выстрелов. Под угрозой артиллерии солдаты 11 полка стали сдаваться, слагая оружие. В этот день караулами юнкеров были заняты правительственные учреждения, телеграф, банк, понтонный мост и Белый дом. Как видно, сентябрьские события напоминали иногда до мелочей „декабрь", только наоборот. Они и создали у юнкеров психологическую предпосылку для участия в декабрьских событиях. Теперь юнкера увидели, как это легко делается. Не будь этого, юнкера с таким легкомыслием не пошли бы на эсеровскую авантюру.

При всем сходстве между событиями сентября и декабря есть и большая разница. В сентябре у солдат кроме пресловутого анархистского беспартийного союза ничего не было, они без руководства представляли в сущности неустойчивую массу вооруженных людей. В декабре было совсем другое, здесь уже была крепкая организация в лице совета, „военки", Военно-революционного комитета. Это наличие креп-

кого большевистского руководства и повернуло события наоборот, победителями оказались не правосоциалистические партии с юнкерами, а большевистские советы с солдатским гарнизоном и Красной гвардией.

Сентябрьские события оставили полки без оружия. Для розыска оружия советское руководство в конце ноября и начале декабря пускает в ход все средства до внезапных налетов на военные комиссариаты, чтобы захватить там какую-нибудь полсотню винтовок устарелой системы включительно. Гарнизон шел за советами сознательно, показателем этой сознательности служит хотя бы следующий факт. Когда незадолго до событий эсеровское командование издало приказ о десятипроцентных отпусках солдат, то Центросибирь увидела в этом угрозу обезлюдения гарнизона, ибо уходила домой наиболее активная часть солдат. Центросибирь обратилась к солдатам с просьбой из-за революционных соображений воздержаться от отпусков. И все полки один за другим вынесли резолюцию отказаться от ухода в отпуск. Это была большая моральная победа Центросибири.

События нарастали быстро. Когда утром 4 декабря Военно-революционный комитет направил в ряд правительственных учреждений своих комиссаров — это вызвало забастовку служащих и приостановку учреждениями работы. Комиссарами были посланы следующие лица: в губернский продовольственный комитет — Голомидов, на телеграф — Рябиков, на почту — Певзнер, в казначейство — Гаврилов, в казенную палату — Новосадский, в губернское правление — Жуков, затем Гаврилов, в штаб округа — Б. Шумяцкий и Тананайко, в государственный банк — Янсон, в окружное интендантство — Кириллов, комиссаром печати и типографии и по учету бумаги — Насимович-Чужак.

Объявление забастовки было в тех условиях объявлением войны. Все почувствовали, что назревают большие события, хотя может быть обывателю и не верилось, что дойдет дело до стрельбы. Юнкерские

училища не спали эти два месяца, велась лихорадочная работа, свозилось оружие, обмундирование (все юнкера в момент боев оказались одетыми в полушубки, надетые поверх шинелей, и валенки, в то время как у солдат остались шинели „на рыбьем меху“ и сапожонки), свозились гранаты, револьверы, пулеметы. Формировался штаб, разрабатывались диспозиции — словом все было на ходу. Между юнкерами и эсеровскими верхами существовала самая тесная связь. Говорят, что сигналом к юнкерской стрельбе в середине дня 8 декабря был ружейный выстрел из городской думы.

II. ОБЩИЙ ХОД БОЕВ.

Поводом к открытию военных действий послужил приказ Военно-революционного комитета о разоружении юнкеров. 10 декабря ожидался выпуск юнкеров из военных училищ, а производство их в офицеры требовало от Иркутского казначейства, без того тощего, около 1 миллиона рублей. Поэтому Центросибирь предложила Военно-революционному комитету от производства юнкеров в офицеры отказаться, военные училища разоружить, а юнкеров распустить по домам. 5 декабря трем школам прапорщиков и военному училищу был предъявлен приказ: до 2 часов дня 8 декабря сдать оружие. Как видно было выше, меньшевики и эсеры много сделали в деле организации юнкеров для борьбы с советской властью. Поэтому ничего нет удивительного, что ответ на приказ был отрицательный.

Еще за несколько дней до вооруженной борьбы среди юнкеров появились признаки расслоения Нельзя сказать, чтобы там особенно заметны были большевики, хотя несколько человек большевиков в военном училище было, но появились лево настроенные люди, которые говорили, примерно, следующее:—В области политики мы должны держаться нейтральной почвы, итти с оружием в руках против своих же братьев — солдат преступно, что Иркутск ведь лишь

хвост, коим управляет голова, т. е. центр России, от нашего выступления должно пострадать частное население — бедняки, стоящие вне всяких политических платформ, дорожащие своими последними крохами. Но такого рода речи обычно перебивались криками — трус, предатель и т. д. Юнкера охотнее слушали речи полковника Скипетрова, будущего семеновца, и капитана Тарновского, в прошлом участника карательной экспедиции генерала Ренненкампфа — они призывали к открытой вооруженной борьбе и к установлению в городе своей (т. е. юнкеров) власти, которая находилась бы в руках юнкеров, а не большевиков. Юнкера подбадривались фантастическими известиями. Прапорщик Суслов (с.-р.) накануне боя сделал юнкерам „официальную информацию" — Керенский в Петрограде, Корнилов обложил Москву и за него весь фронт, Дутов занял весь Урал с Челябинском, генерал Каледин занял весь юг России до центральных губерний и т. д. В общем небольшая часть юнкеров ушла, так из военного училища ушло 150 человек, несколько десятков человек ушло из 1 и 2-й школы прапорщиков — количество ушедших едва ли было больше 180 человек. Количество вооруженного противника определяется Шумяцким простым подсчетом личного состава трех школ прапорщиков, военного училища, офицерского резерва штаба округа, казаков, им получена была цифра 3812 человек. Цифра явно преувеличенная. Газетные сведения того времени сходятся на цифре полторы тысячи человек.

Поздно вечером 8 декабря красный штаб узнал, что третья школа прапорщиков, расположенная на Батарейной, не выступила — решено было во что бы то ни стало удержать ее от выступления. Для „уговаривания" школы был послан солдат Дмитриев. С большими опасностями тов. Дмитриев проник во двор школы и начал „торг" об условиях разъезда по домам будущих прапорщиков. Сошлись на 250 рублях подъемных и по отрезу сукна на гимнастерку и галифе. К вечеру 9 декабря третья школа прапорщиков

разъехалась по домам. Это соглашение имело важное значение. Путь на Иркутск с запада был чист и подкрепления могли проходить беспрепятственно.

На стороне советов были все пехотные части, т. е. 9, 10, 11 и 12 пехотные полки, 718 дружина и 3 артиллерийских батареи, затем части Красной гвардии, небольшое количество солдат из Военного городка и часть грузинской дружины. Сил было бы достаточно если бы было вооружение, но, как указано было выше, солдаты были почти безоружны, дисциплина была очень низка, а выборный командный состав был мало пригоден для боевых действий частей. Против юнкерских пулеметов, гранат бомбометов, не считая винтовок, на стороне красных была только артиллерия Артиллерия установлена была на Петрушиной горе (окраины города около Лисихи), в Знаменском предместье, на горе Крестовской церкви (улица Ленина), по Большой улице (угол М. Блиновской), на горе Глазковского предместья и около Якутской заставы.

К началу борьбы был сформирован штаб советских войск в составе командующего т. Дмитриевского, начальника формирований и снабжений товарища Б. Шумяцкого, начальника политической части т. Я. Янсона, а позже тов. Бограда. Все остальные активные работники Центросибири и Военно-революционного комитета стали во главе отдельных военных частей. Главная база советской власти — Белый дом на берегу Ангары в военном отношении занимал очень невыгодную позицию. Почти кругом него противник имел три крупные базы: первая—школа прапорщиков на Казарминской улице (теперь здание Мединститута, улица Красного Восстания), вторая—школа прапорщиков на Амурской улице (теперь здание Комвуза, ул. Ленина) и третью—Военное училища на Троицкой улице (теперь здание пехотных курсов, ул. 5 Армии). Поэтому еще до начала выступления штаб покинул Белый дом и переехал сначала во 2-ое Общественное собрание (теперь угол 2-й Красноармейской и К. Маркса) и затем перешел на базар, где теперь слюдфаб-

рика, после в гимназию Гайдук, а после ее разгрома опять на старое место, в здание теперешней слюдфабрики. В Белом доме осталась часть Красной гвардии и ряд видных советских работников.

Во вторую половину дня, вероятно около 2-х часов, из школ прапорщиков и Военного училища выходили цепи юнкеров и стали занимать прилегающие улицы. Сначала на улицах появились толпы любопытных, но затем, когда раздались винтовочные выстрели, народ с улицы, как метлой смело. К вечеру было пусто. Очень трудно определить, кто первый начал стрелять из винтовок. По словам т. Я. Янсона, первый выстрел раздался в Большаковском переулке, т. е. в районе расположения юнкеров. Тогда же юнкерские цепи подошли к Белому дому и его гарнизон был отрезан от своих. Около 6 часов вечера начался артиллерийский обстрел города.

Расположение сил юнкеров к концу первого же дня боя создалось следующее. Первая школа прапорщиков оцепила район по Казарминской и Набережной, ограниченный с других двух сторон Большой и Троицкой (на месте теперешнего стадиона). Как крайний пункт юнкера заняли Городской театр, Военное училище, захватили весь район от Большой до Харлампиевской (ул. Горького), от Амурской до Ангары, заняли золотосплавню, на Набережной установили наблюдение над Белым домом и установили связь с 1-й школой прапорщиков по Набережной. Юнкера 2-й школы прапорщиков охраняли фланг со стороны Тихвинской площади (площадь III Интернационала), где у красных были сосредоточены большие силы. Дальше по Амурской улице юнкера заняли губернскую типографию (теперь ул. Ленина, д. № 50) и помещавшуюся на углу немецкую кирку. Выше по Амурской был район 11 полка, который занял 1-ое Общественное собрание, а правее были казармы этого полка. На горе, ближе к Крестовской церкви, стояла красная артиллерия, обстреливавшая 1-ую школу прапорщиков на Казарминской улице. Казаки прочно держались в

районе своих казарм на горе близ Успенской церкви, а в качестве базы заняли здание духовной семинарии на берегу Ангары и детскую больницу и через эту базу установили, правда нерегулярную, связь с юнкерами. Кроме того, казаки заняли верхний рынок, „барахолку". Из этого занятого с первого дня района юнкера только делали вылазки, не пытаясь его расширить — так была на некоторое время занята гимназия Гайдук, занимался телеграф, занимали гостиницу „Полярная звезда" уг. Почтамтской и Баснинской (Марата и Свердлова), занимали баню Каменщикова на Набережной, выше понтона, дом Винника (около теперешнего горсовета).

Красные с помощью артиллерии медленно сжимали это кольцо. Так около 11—12 декабря заняты были Тихвинская церковь, на колокольне которой стоял юнкерский пулемет, совершенно была разрушена артиллерийским огнем 1-ая школа прапорщиков, сгорела находящаяся рядом гарнизонная гауптвахта и юнкера перешли в здание Географического музея как раз напротив Белого дома и во 2-ю школу прапорщиков.

Значительно пострадало от орудийного огня и Военное училище. Пострадало от артиллерии еще большее количество зданий, находящихся рядом. Замерзала Ангара, над городом стоял туман, в результате снаряды попадали не туда куда надо, а где то рядом. Так, целясь по 2-й школе прапорщиков или по Тихвинской церкви, артиллерия била по Государственному банку (теперь здание Горного института). Пострадали также и дома, находящиеся по соседству со 2-й школой прапорщиков, в стороны Тихвинской улицы (ул. Красной Звезды). Но особенно жестоко досталось следующему кварталу между Тихвинской и Ивановской. В этом квартале разрушено артиллерией и сгорело громадное помещение, занятое магазинами, „Пассаж Второва", сгорели почти все соседние дома этого квартала. В остальных кварталах пожаров было меньше. Так кроме соседнего со школой прапорщиков дома сгорели отдель-

ные дома по Харлампиевской, Дегтевской и Набережной, сгорел дровяной склад по Набережной. Впоследствии после декабрьских боев иркутские пожары буржуазными газетами объяснялись злонамеренными поджогами, причем в этом обвиняли, конечно, Красную гвардию, писали даже о том, что будто деревянные постройки обливались керосином и зажигались. Трудно сейчас сказать, как велики были эти поджоги. Ведь нет ничего легче как возникнуть пожару в городе под артиллерийским обстрелом, когда пожарная команда не выезжает тушить пожар (пожарные выезжали только на первый пожар, да и то неудачно), когда население попряталось по подвалам. Достаточно опрокинутой керосиновой лампы или свечи, чтобы возникнуть пожару, который, не будучи во время потушенным, захватывал целые дома.

Положение населения было особенно ужасным в кварталах расположения юнкеров. Эти кварталы почти день и ночь, с небольшими перерывами, обстреливались артиллерией, там чаще возникали пожары. Жители домов тех кварталов покидали свои квартиры и спускались в подвальные помещения. Там — битком набитые помещения вперемежку со взрослыми, детьми, женщинами, сидели не только без горячей, но иногда и совсем без пищи по несколько суток. Водопровод не действовал, отдельные смельчаки выскакивали на двор за снегом и частенько обратно не возвращались, сраженные шальной пулей.

Как только днем стрельба немного стихала, выходили из ворот и вереницей отправлялись с ведрами, на санках за водой на Ангару, а иногда и совсем уходили из этой части города на окраины, где было спокойнее.

Отношение красных солдат и красногвардейцев к мирному населению выше всяких похвал. Были и отдельные эксцессы как и во всякой войне, особенно в гражданской. С разгулом уголовщины красные штабы упорно боролись. Эти отдельные случаи грабежей и насилий буржуазными газетами страшно были раз-

дуты и все красные сплошь были размалеваны в бандитские тона. Напротив, когда в тех же буржуазных газетах излагаются отдельные факты с указанием времени и места, мы не находим этого бандитизма. Так один из сотрудников кадетской газеты „Иркутская жизнь", который испытал подвальное сиденье, пишет: „Коридоры нашего подвала наполнились шумом, лязгом оружия и воем призывного рожка. Все это продолжалось не больше минуты... У меня даже мелькнула мысль о спасении всех подвальных жильцов, может быть ценою жизни двух—трех человек. Ясно было, что нас завоевали и при штурме жертвы неизбежны. Однако обошлось без жертв. Большевики обыскали нас наспех и успокоили... Отношение предводителей большевиков было к нам хорошее. Лично обо мне предводитель большевиков, грузин, фамилии его не знаю, сказал красногвардейцам, что я боролся ряд лет за свободу и поэтому моя личность и имущество должны охраняться большевиками... Я отмечаю это не только для того, чтобы отметить безупречное отношение к нам сознательных большевиков, но и для того, чтобы сказать, что такое отношение несколько успокоило нас... За день большевики перебывали в подвале по нескольку раз. У нас было людно, спокойно и безопасно. Большевики приносили нашим детям конфекты, сахар, хлеб и мясо". В другой газете рассказывается, что беженцы из центральных кварталов города находили на горе в казармах революционных войск не только приют, но и хорошее питание. Буржуазные газеты со смаком отмечали, что под шинелями красногвардейцев часто находили обернутые вокруг рубах шторы, диванную обивку, взятые из буржуазных квартир, и кроме грабежа эти писаки в этом ничего не видели. Но смотрите, что говорит об этом другая сторона. Насимович-Чужак, один из участников осады Белого дома, пишет: „В то время как юнкера, одетые, в полушубки и валенки, отлично залегали в снегу, наши солдаты в сапогах и шинелях не долее 15—20 минут выстаивали на сквозняке у окон и две-

рей на карауле... драпри от дверей и окон пошли на обертку под шинели и на портянки, а вскоре и для покрытия раненых". Один из юнкеров в статье, носящей характер воспоминаний, пишет: „Мне пришлось прочесть в № 286 „Сибирской жизни" описание иркутских событий; тут я натолкнулся на следующие строки: **много красногвардейцев убито, карманы убитых наполнены деньгами, золотыми и серебряными вещами, ограбленными у населения. Прибывающие в Иркутск в поездах офицеры с фронта — раненые, больные беспощадно уничтожаются. Зверства большевиков так ужасны...** и т. д. Как очевидец иркутских событий, считаю нужным заявить, что все описанные в упомянутой заметке „Сиб. жизни" ужасы — сплошной вымысел досужего корреспондента.

Бывш. юнкер военного училища В. Чеканов.

Значительно лучше было положение мирного населения в кварталах города, занятых красными. Сюда не стреляла артиллерия, здесь почти не было пожаров, единственная опасность—редкие шальные пули. В этих частях города население страдало от отсутствия света, воды (водопровод и электростанция не работали) и главным образом от закрытия торговли, т. к. запасов продовольствия, дров никто разумеется не сделал. Поэтому в помещении Ремесленной управы и Иркутского народного университета в первые же дни борьбы собирались граждане и обсуждали условия заключения мира между воюющими сторонами. От этих собраний выбираются делегации для переговоров с обоими штабами. Состав этих делегаций был отчасти буржуазный, так во главе одной из делегаций стоял Л. Я. Буткевич (товарищ городского головы), в другой делегации был глава иркутских меньшевиков Н. П. Патлых, кем-то подстреленный во время перехода по улице. Граждане, которые шли на такого рода собрания, патрулями свободно пропускались и даже указывалось, где безопасней пройти. В дни боев от „мирных граждан" было выпущено воззвание. Самый характер воззвания указывает, что авторы и группы

прикрывающиеся этим именем, далеки от мирного настроения и нейтральности. Этим надо и объяснить, что работа делегации не увенчалась успехом. Симпатии парламентеров были на стороне юнкеров и большевистские штабы естественно относились к этим парламентерам весьма подозрительно, в особенности если те приносили неприемлемые условия мира.

17 декабря было заключено перемирие. Такие попытки были и раньше. Например, 10 декабря по сообщению Военно-революционного комитета были переговоры с юнкерами и казаками о перемирии. Со стороны красных переговоры велись Б. Сташевским. Юнкера в качестве мирных условий предложили: 1) разоружение всех солдат гарнизона и роспуск их по домам и 2) расформирование и разоружение Красной гвардии. „После этой оскорбительной встречи наших парламентеров—сообщал Военно-революционный комитет,—нам только осталось продолжать с еще большей силой военные действия. Настроение красных, в особенности красногвардейцев, было таково, что не только о таких условиях, но и более приемлемых компромиссных условиях думать не приходилось. Публицист кадетской газеты, которому во время боев приходилось сталкиваться с красногвардейцами, писал впоследствии: „Они со вздохом говорили, что может быть придется умереть и что они не уверены, что могут удержать за собой наш двор, так как у юнкеров имеется страшное орудие—пулеметы. Говорили они и о мире, но гордо требовали условия мира—сдачи юнкеров“. Вообще красногвардейцы держали себя независимо и с большим достоинством. Один из юнкеров жаловался, что „во время пребывания в плену у юнкеров красногвардейцы проявляли особенную требовательность, причем постоянно пытались подчеркнуть, что как политические пленные они имеют право на особенное к ним внимание“. Ясно, что с таким настроением уверенности в своей победе нельзя было заключить мир, который бы не обеспечил господство советской системы. Повидимому этим и надо

объяснить и вторую неудачную попытку перемирия. 11 декабря представители Военно-революционного комитета Б. Сташевский и Г. Нейман с одной стороны и представители Исполнительного бюро военно-учебных заведений и казачьего дивизиона, юнкера И. Трутнев, И. Дистлер, С. Попов и начальник штаба подполковник Никитин с другой подписали следующие условия перемирия:

§ 1. Прекращение всех военных действий, передвижений и перемещений воюющих сторон на все время мирных переговоров.

§ 2. Никаких действий, направленных к улучшению и закреплению занятых позиций на время перемирия.

§ 3. Во время перемирия ни одна из сторон не имеет права производить аресты, обыски и реквизиции.

§ 4. Подвоз боевых припасов и продовольственных продуктов текущего довольствия не допускается.

§ 5. Смена караулов, дозоров и застав производится беспрепятственно.

§ 6. Перевозка раненых и больных беспрепятственна.

§ 7. Парламентеры неприкосновенны.

§ 8. Понтонный мост находится под контролем уполномоченных Исполнит. бюро военно-учебных заведений, причем для гарантии неприкосновенности Военно-революционный комитет дает взамен лицо, имеющее известный авторитет для обоих сторон.

§ 9. Для обследования всевозможных провокационных, независящих от воли сторон, нарушений установленных вышеозначенных пунктов (напр., выстрелы из частных домов) назначается комиссия по 2 человека от сторон, в распоряжении которой будет находиться свободный (сводный?) отряд из 30 чел. по 15 чел. с каждой стороны.

§ 10. Перемирие заключается на одни сутки с 10 час. утра 12 декабря до 10 часов утра следующего 13 декабря.

§ 11. Если соглашение в указанный суточный срок перемирия не состоится, военные действия возобновляются.

§ 12. Сигналом для приостановки военных действий с началом фактического перемирия послужит 6 орудийных холостых выстрелов, данных ровно в 10 часов утра 12 декабря.

§ 13. Местом встречи делегации конференции назначается дом командующего войсками по Театральному переулку.

§ 14. Вопрос о продовольствии Белого дома остается открытым при условии включения этого пункта первым при обсуждении программы для мирной конференции". Эти мирные условия красными не были выполнены. Такие условия (§ 8 говорит о заложниках со стороны красных) мог продиктовать только победитель, а победителями юнкера не были.

За время боев советская сторона выпустила два номера „Известий Военно-революционного комитета г. Иркутска и Окружного военно-революционного комитета". Первый номер вышел 15 декабря. Там между прочим было опубликовано воззвание, где говорилось, что „в городе участились случаи грабежей и краж", что „темные личности хотят использовать нашу честную революционную борьбу для неблаговидных целей". Воззвание призывало солдат и красногвардейцев предотвратить эти явления. В этом же номере давалась картина расположения юнкеров, а также указывалось что „в районах военных действий жители буквально голодают, не имея возможности достать не только продукты, но даже воды". Следующий номер „Известий" вышел на другой день, 16 декабря. В нем сообщалось об отвергнутых красными условиях перемирия 10 декабря. Были попытки печатной агитации и со стороны юнкеров. 10 декабря ими было выпущено воззвание к населению и к красным солдатам, там юнкера писали: „Расходитесь, разъезжайтесь, братья солдаты, по домам... Мы недопустим, чтобы кучка проходимцев навязывала народу свою наглую власть

и волю. Мы никогда не исполним приказа большевиков о разоружении и т. д." В эти же дни губернским комиссаром Лавровым, которого юнкера освободили из гауптвахты в начале восстания, было опубликовано объявление о введении военного положения в городе. Неизвестно, напечатано ли было это воззвание в момент боев, но после перемирия оно расклеивалось на улицах. Кроме этого юнкера выпустили №№ бюллетеней „Комитета защиты революции". „Известия Военно-революц. комитета" печатались типографским способом, бюллетени юнкеров—гектографом, хотя в районе расположения юнкеров была губернская типография.

Кварталы, занятые юнкерами, как будто вымерли, население не оставалось даже в квартирах—оно все ушло в подвалы, в то время, как в районе красных жители даже находили возможность устраивать собрания (например, в Ремесленной управе, на Власовском переулке, недалеко от базара), в районе юнкеров нельзя было даже пройти за водой. Здесь непрерывно действовала артиллерия, горели многие, дома по улицам летали пули, а в пустых квартирах и на чердаках засели красные стрелки—добровольцы и методически давали выстрелы за выстрелом. Об этих стрелках-партизанах пишет один из участников боев тов Р. Эйдеман: „Следует остановиться на практиковавшемся кое-где использовании метких стрелков. Таких стрелков-красногвардейцев и солдат из числа коренных охотников было не мало. Обыкновенно группа отличных стрелков замаскированно устраивалась в таком месте, откуда был возможен широкий обстрел и хорошее наблюдение. При появлении бомбометов и пулеметов противника меткие стрелки либо снимали прислугу, либо заставляли прекращать огонь". Мемуары участников полностью подтверждают эти мысли. Так один из офицеров вспоминает, что в ночь с 10 на 11 декабря их отряду надо было пройти из первой школы прапорщиков в Военное училище. Итти надо было по Троицкой улице. „Всю дорогу бежали

под выстрелами с чердаков и крыш, но по счастливой случайности никто из нас даже не был ранен". Одна иркутянка, которая отсиживалась в районе Харлампиевской (ул. Горького) и Амурской, в своем дневнике отмечает: „С самого первого дня войны у нас кругом дома непрерывно щелкали ружейные и револьверные выстрелы. Некоторые звучали так близко от наших окон, что казалось стрелок сидит на крыше. Это засели, видимо, большевистские партизаны по вышкам и чердакам. Как мы не старались определить точно их местонахождение, это представлялось невозможным: методично, равномерно, не умолкая ни на минуту, они щелкали, как дятлы по дереву со всех сторон".

III. ГИМНАЗИЯ ГАЙДУК.

Небольшому двухэтажному дому, выходящему на Набережную и на проезд к понтонному мосту, в котором помещалась прогимназия М. В. Гайдук, в декабрьских боях пришлось сыграть выдающуюся роль. Понтонный мост—единственное сообщение с железнодорожной станцией, а отсюда и стратегическое значение моста. В конце декабря Ангара еще не замерзла, в дни боев шла шуга (мелкий лед) и красным надо было сохранить понтон во что бы то ни стало за собой. Первоначально здание гимназии было облюбовано как караульное помещение для частей, охраняющих мост. Хроникерская заметка одной иркутской газеты сообщала: „4 декабря, утром, помещение гимназии Гайдук было занято отрядом солдат и красногвардейцев, намеревавшихся устроить здесь штаб большевиков. Однако, вследствие настоятельных просьб начальницы гимназии, помещение гимназии было освобождено на другой день утром. В ночь с 7 на 8 декабря гимназия снова была занята красными". Повидимому, караулы на понтоне начинают устанавливаться с утра 8 декабря. Офицер-большевик В. Сафьянников с ротой, пришедшей из военного городка, устанавливает караулы на понтонном мосту, а под штаб зани-

мает гимназию. В два часа дня раздались выстрелы—это юнкера обстреливали из пулемета понтонный мост. Красные солдаты укрылись за стоявшей на Набережной поленницей дров и повели обстрел. Бой продолжался около часа. Наконец, добровольцы из красных сделали вылазку и вышибли юнкеров из углового дома, видимо, из главной базы на Набережной. Это была первая стычка с юнкерами. Вскоре артиллерия открыла по городу огонь. Всю ночь юнкера обстреливали понтонный мост. В первые сутки гимназия была чем то в роде привала, туда приходил караул для отдыха, туда же тянулись раненые. Сюда же из Военного городка доставляли патроны, хлеб и обед. Ночью красные почему-то оставили это здание. Начался обстрел гимназии артиллерийским огнем, повидимому, в Глазково, где стояла артиллерия, думали, что здание заняли юнкера. Под утро отряд около 200 человек красных снова занял гимназию. Это было 9 декабря. Когда туда перешел из Второго общественного собрания главный советский штаб точных сведений нет, так некоторое время он находился в здании теперешней слюдфабрики. Точно известно, что в гимназии Гайдук штаб был 13 днем. Повидимому, утром 12 или 13 декабря в Иннокентьевской высадился отряд канцев и одна из партий Черемховской Красной гвардии. Возможно, что первая партия черемховцев пришла раньше и просочилась в город—всего черемховцев было около 3-х партий. Канцы в город через понтон входили поздно вечером, когда туман был окрашен розовым цветом пожара (горел второвский пассаж). Канцы пришли в штаб, помещавшийся в гимназии. Дальше дадим слово участнику похода тов. Р. Эйдеману. „Штаб, руководивший борьбой, находился недалеко от места, кажется в здании женской гимназии. В штабе мы встретили Янсона и Шумяцкого. При тусклом освещении керосиновых ламп и свечей (электричество не действовало), лица казались серыми, измятыми, а глаза были воспалены от бессонных ночей. Вообще штабы красных в то вре-

мя отличались импровизованностью". Вот другое описание одного из районных штабов в те дни. „Ощупью отыскали следующую дверь и, отворив ее, пришли в большую комнату, наполненную людьми и табачным дымом. Посредине стоял стол, на котором тускло горела свеча, вставленная в бутылку и лежал кусок черного хлеба. Вокруг стола и далее на лавках и ряжках (это была видимо баня) разместилось 50—60 человек в самых разнообразных костюмах. Все были вооружены винтовками, а некоторые, кроме того, еще револьверами и шашками... Председательское место занимал за столом человек в форме прапорщика". Это был Лазо, впоследствии знаменитый партизан.

После этого отступления—возвращаемся к прерванному рассказу о приходе канцев в город.

Канцам тут же дали боевую задачу—пробиться по Набережной к Белому дому. Канцы были народ молодой, в боях небывалый, город они знали плохо, на Набережной их встретили юнкера пулеметным огнем и они отошли к штабу. Штаб к тому времени уже переехал в другое место—в здание теперешней слюдфабрики.

„В здание штаба начали прибывать одиночные люди как из канского отряда, так и других. Многие из них приносили в глазах страх и в словах панику"— вспоминает об этих часах Р. Эйдеман. Юнкера, потерпевшие неудачу с перемирием, взялись за решительное наступление. Они во что бы то ни стало хотели овладеть понтоном, чтобы отрезать город от подошедших к красным подкреплений. Остатки красных частей стягивались к зданию штаба. „Обороняться решили во 2-м этаже. Сюда же сбилось много панически настроенного народа, который мешал. Вся картина дополнялась темнотой. Кое-как удалось расставить нескольких бойцов и гранатометчиков около окон. Возле лестницы разместилась группа во главе с одним черемховским рабочим—прекрасным гранатометчиком.

Несколько минут тревожного ожидания. Видим, уже началась перебежка юнкеров по берегу Ангары.

Куда они идут? К мосту. Началась перестрелка. Юнкера забрасывают нижний этаж гранатами. Казалось, что 2-й этаж, на котором мы находились, проваливается. Юнкерский пулемет, ворвавшись в окно, жадно щелкал в пустом нижнем этаже.

Черемховец, отогнав несколькими метко брошенными ручными гранатами от лестницы группу наиболее смелых юнкеров, бегал от окна к окну с неимоверной скоростью и быстротой, бросая гранаты. У юнкеров могло создаться впечатление, что здесь, во втором этаже, засела целая группа гранатометчиков. Оставаться так дальше в здании нельзя. Надо организовать вылазку... В темноте обстреливаемого здания—тревога и смятение. И организующая воля смелых, нетеряющихся бойцов.

По коридорам и комнатам мечется сестра из пролетарского Красного креста.

— Стыдитесь, кто вы? Солдаты или бабы... Нюни распустили. Слова женщины заражают своей бодростью, заставляют вылезать из углов самых растерявшихся.

И сама она в числе первых, во главе смельчаков, рванулась на ушедшую в предрассветный туман улицу.

За этим смелым авангардом все, что в темной панике набилось в здание штаба, вихрем вырвалось на улицу и устремилось к мосту.

Этот вихрь ста пар обезумевших ног в предрассветном тумане создавал впечатление какой-то дикой озверелой атаки. Юнкера, продвинувшиеся было к мосту, подались в сторону.

В здании, прикрывая вылазку, осталось всего несколько человек, в числе их черемховец гранатометчик (черемховский забойщик) из красногвардейского отряда. Оставшиеся решили отступить организованно. Светало. Но туман, еще более густой чем ночью, стоит над городом, скрывая в 40—50 шагах от нас все Юнкера однако нас заметили. Когда трое

или птяеро из нас хотели покинуть разрушенное с выбитыми стеклами опустевшее здание, пулеметный ветер захлопнул перед нами дверь.

Юнкера повторили вылазку. Положение ухудшалось тем, что по зданию начала крыть наша артиллерия, при этом весьма удачно. Мы, стоя у лестницы и окон, стреляли.

Но... откуда этот едкий дым, слезятся глаза, трудно дышать... горим... Юнкера подожгли здание. А дальше... дальше начинается длинная повесть о том, как, перескакивая через языки пламени горящего здания и отстреливаясь, пробивались красногвардейцы.

Утром положение на участке было восстановлено без особого труда" (Р. Эйдеман).

Остается еще рассказать о наиболее трагическом эпизоде борьбы за понтон — расстреле колонны черемховцев, шедшей ночью по понтону. Когда произошел этот эпизод, определенно сказать нельзя: оба предположения — ночь с 12 на 13 декабря и в ночь с 14 на 15—одинаково вероятны. Об этом эпизоде у Р. Эйдеман нет ни слова, ничего не говорит об этом и Абов. О нем вспоминают участники красногвардейцы и кроме того он довольно подробно описан участником боев одним офицером, воевавшем на юнкерской стороне. Вообще датировки отдельных эпизодов декабрьских событий — трудная вещь. О датах участники или совсем молчат, не помня их, или путают. Спустя 3—4 года, а то и больше память сливает эти восемь суток в сплошной боевой ряд. События, отделенные друг от друга целыми сутками, иногда описываются как происшедшие одно за другим. Так только что описанные события участником тов. Эйдеманом не датированы, он пишет, что отряд вступал в город при свете зарева от горевшего пассажа. Сохранилось донесение иркутского бранд-майора страховому инспектору, в котором указывается, что 13 декабря, в 4 часа дня бранд-майор был в большевистском штабе у пон-

тонного моста и просил дать пропуск для беспрепятственного проезда пожарной команды по городу, значит 13 декабря дом гимназии Гайдук был еще цел и штаб оттуда не уехал. Там же сообщалось, что пассаж Второва загорелся 13 декабря в 7 ч. 30 м. вечера. Канцы входили в город при свете зарева от пассажа Второва. Таким образом эти события произошли в ночь с 13 на 14 декабря. Позднее в хроникерской заметке одной иркутской газеты тоже указывалось, что гимназия Гайдук сгорела в ночь с 13 на 14 декабря.

Перейду к описанию событий как они переданы очевидцем. Юнкерские посты, расположенные на берегу р. Ангары, видели, что красногвардейцы в довольно значительном количестве намереваются совершить переправу через Ангару по понтону. Ветер дул по течению Ангары. Красными на городском берегу Ангары был зажжен склад дров и один из деревянных домов. Это было сделано, очевидно, с тем расчетом, чтобы под прикрытием дымовой завесы незаметно переправиться и соединиться с Белым домом. Как только началась переправа отряд юнкеров, с пулеметом „Максима“ уже был на берегу Ангары против понтона. Красногвардейцы двинулись по понтону густыми колоннами, даже не выслав вперед разьедки. По цепи юнкеров было отдано приказание открыть частый огонь по свистку. Ночь была лунная. Прицел можно было взять довольно хорошо. 70 винтовок и пулемет были направлены на движущуюся черную массу и ждали только сигнала. Когда колонны были совсем близко— грянул залп из 70 винтовок и защелкал пулемет. На мосту произошла паника и давка, раненые, убитые и здоровые падали в Ангару (говорят, что некоторые из здоровых выплыли). Огонь юнкеров продолжался. Красная артиллерия открыла по засаде юнкеров стрельбу. Юнкера перенесли пулемет на другую позицию и начали обстрел артиллерии через реку. Когда понтон был очищен от красногвардейцев, юнкера с пулеметом ушли, выставив пост у переправы. Долго ли стоял здесь юнкерский пост — неизвестно, повидимому, до

утра. Каково было число погибших при переправе — мне нигде сведений найти не удалось. По источникам юнкеров, черемховцев погибло около 700 человек — сведения вероятно преувеличены.

По словам одного из участников событий, но не очевидца, черемховцам к утру удалось сбить заставу юнкеров и пробиться в город, другие напротив уверяют, что черемховцам после этого так пробиться и не удалось, что лишь малыми партиями они от Иннокентьевской через Знаменское предместье попадали в город. Там был перевоз на лодках.

Надо отметить, что только что описанный факт подвергается сомнению со стороны ряда участников а другие напротив упорно говорят об этом факте, хотя описания дают разноречивые. Возможно, что в только что описанном есть значительная доля легенды. Тем не менее описание это из текста я не выбросил, так как только путем массового опроса участников можно выяснить как это было.

Бои вокруг гимназии Гайдук — один из темных эпизодов декабрьских событий. Так ничего точного найти не удалось о действиях Ачинского полка, район боевых операций которого был на Набережной выше понтона. Был такой момент, когда юнкера, заняв гимназию, оказались по Набережной отрезанными ачинцами от своей базы. Единственным сообщением для юнкеров была Троицкая улица, с которой они сбили красногвардейцев. Ничего точного не удалось узнать о наступлении юнкеров, которое они начали с гостиницы „Полярная звезда“, где у красных был не то штаб, не то караульное помещение. Развивая наступление, юнкера захватили штаб красных, угол Троицкой и Дегтевской (теперь упр. реч. флота) и, идя дальше, дошли до понтона. В эту ночь вероятно был взят в плен прапорщик Лазо. Об этих эпизодах рассказывают участники, но точно указать, когда это было, на основании имеющегося документального материала, не представляется возможным.

IV. БЕЛЫЙ ДОМ.

Все кто писал об иркутских событиях, непременно отмечают героическую оборону Белого дома. „Геройская защита Белого дома имела огромное моральное значение для сражавшихся солдат: если Белый дом, находившийся в центре буржуазного окружения держится, то дела наши хороши, и надо бороться. Вдобавок, среди солдат ходил слух, что там, в Белом доме, помещался главный революционный большевистский штаб и поэтому судьба этого дома всех страшно волновала" (Вера Владимирова).

„Наш отряд, осаждаемый в Белом доме, держался пока было сил и хватало патронов. Героическая защита Белого дома вообще заслуживает отдельного исследования" (Р. Эйдеман).

„Героический гарнизон революционеров в течение ряда дней и ночей выдерживал и отражал яростные атаки противника, пока, почти накануне победоносного для советских сил исхода борьбы с контрреволюцией, не пал под натиском численно и технически превосходящих сил врага. История защиты Белого дома—незабываемый эпизод в борьбе сибирского пролетариата за диктатуру пролетариата" (Б. Шумяцкий).

Несмотря на то, что Белый дом стал с конца октября привычным революционным центром, еще до восстания предрешен был вопрос, что штаб в нем не останется. В самом деле он был оторван от основных большевистских сил рядом юнкерских баз: со стороны казарм 11-го полка и Петрушинской горы, где стояла большевистская артиллерия, стояла 1 я школа прапорщиков. Силами военного училища его легко можно было отрезать по Набережной от сообщения с понтоном и жел. дор. станцией откуда можно было ждать подкреплений. 2-я школа прапорщиков по Амурской улице могла легко загородить путь к Знаменскому предместью и ополченским дружинам, которые стояли в районе Пестеревской улицы.

Юнкера за обстрел и окружение Белого дома взялись еще с полдня 8 декабря. Некоторые даже думают, что первые выстрелы юнкеров были сделаны по Белому дому, таким образом Белый дом с первых же часов борьбы был отрезан от своих сил. „Не взирая на то, что решение об эвакуации Белого дома было принято единогласно, нашлось несколько десятков смельчаков, самых активных рабочих и ряд руководителей партийных и советских органов Иркутска как т.т.: М. Трилиссер, С. Лебедев, Я. Шумяцкий, Я. Райзер, Н.-Чужак, П. Постышев, С. Блюменфельд и С. Зотов, которые все же решили остаться в Белом доме и в качестве отряда добровольцев защищать его и намерение это было ими выполнено",—так вспоминает Б. Шумяцкий. С другой стороны участник осады Н.-Чужак в конце декабря 1917 г. на свежую память писал: „группка членов Иркутского совета и Окружного бюро, большевики и левые эсэры, мы застряли в Белом доме на три четверти случайно"..... Есть ли противоречие в этих двух отрывках? Вне всякого сомнения, что наиболее сознательная часть партийного актива приняла решение защищать Белый дом добровольно, но для некоторой части рядовых красногвардейцев оно было неожиданным. В первые часы гарнизон мог бы еще уйти, но он сознательно остался в доме. С точки зрения целесообразности военной защиты гарнизон более чем в 150 человек был слишком велик так, например, по словам Чужака, в Белом доме застряло около четырех десятков нестроевой команды—нехватало в нем оружия и совсем уж мало было продовольствия. Вызывает разногласие численность гарнизона Белого дома. Так В. Владимирова считает, что там было—„50 солдат и 50 служащих", Б. Шумяцкий—„несколько десятков", Н. Чужак рассказывает, что в Белом доме выходило 240 пайков в день, Р. Эйдеман определяет численность гарнизона в 150 чел., Я. Шумяцкий пишет, что только отряд красногвардейцев под командой тов. Лебедева имел численность около 90 человек и наконец по газетам того

времени юнкера захватили в плен 136 чел. здоровых и и 17 раненых—некоторая часть была убита и повидимому, численность попавших в осаду была около 170—180 чел. Белый дом с его саженными толстыми стенами, внутренним расположением был удобной крепостью.

Оказавшись отрезанным, гарнизон стал только теперь подсчитывать запасы. Дров не было—пришлось жечь мебель. Драпри с окон и дверей пошли на обертку под шинели красногвардейцев, а впоследствии когда появились раненые—и под одеяла в наскоро сорганизованном лазарете. Из медицинского персонала оказался один фельдшер 11 полка и 2 сестры. Набрали кое-какие медикаменты, а перевязки пришлось делать из носовых платков.

Еще хуже было с продовольствием, запасов солдатского хлеба хватило дня на два, мяса и другого провианта дня на три. Лошади, убитые бомбами в первой юнкерской атаке, были единственным почти ресурсом питания в продолжении последних пяти дней. Нашли еще в доме мешок муки, пуд сахару, кадку капусты и это было все. „Но еще хуже было с водой. Если в первые дни осады смельчаки отваживались под обстрелом юнкеров из музея, из-за поленницы против дома бывшей канцелярии генерал-губернатора и из соседних зданий пробираться с ведрами на Ангару, то чем дальше, тем более рискованными становились эти вылазки, пока наконец не обратились в рискованный спорт отдельных героев. Юнкера, засевшие по обе стороны Белого дома, вдоль Набережной Ангары, старательно расстреливали каждого такого водоноса и можно без преувеличения сказать, что каждое ведро воды к концу осады Белого дома стоило одной жизни“ (Н.-Чужак).

О связи Белого дома с внешним миром Р. Эйдеман пишет, что она поддерживалась пролетарским Красным крестом, о том, что в Белый дом несколько раз приходил медицинский персонал вспоминает и Чужак. Красный крест мог вынести раненых, мог сооб-

щить кое-какие новости. В середине осады под видом раненого вынесли в красный штаб Постышева, (по другим воспоминаниям Шумяцкого).

Военными организаторами осады были прапорщики Зотов и Блюменфельд. „Молодые и жизнедеятельные ребята,—вспоминает о них Н.-Чужак,—они внесли в дело защиты Белого дома массу энергии и планомерности и мужественного воодушевления. Работа сразу закипела, караулы понемножку оформились". Организован был штаб Белого дома из Блюменфельда и Зотова, начальника Красной гвардии Лебедева и политических руководителей Н.-Чужака и четвертого повидимому, Трилиссера, а может быть Постышева.

Первая атака на Белый дом была произведена вечером 10 декабря. Юнкеров было около 20 человек. „Этого количества людей было безусловно недостаточно,—вспоминает один из офицеров,—так как по нашим предположениям в Белом доме было не менее 100 человек". Но штаб юнкерам обещал помощь. Юнкера решили подорвать одну из стен Белого дома. Зарядив шашки и прикрепив к ним бикфордов шнур, трое юнкеров, завернутые в простыню, вышли с парадного входа музея и перешли мостовую. Заложив пероксилин, они подожгли шнур, но взрыва не последовало— видимо был какой-то дефект во взрывчатых принадлежностях. Юнкера решили приступить к атаке. С балкона музея обстреляли здание из пулемета, а затем цепью пошли в атаку со стороны Ангары. Гранаты полетели в окна здания, раздался звон стекол, последовали страшные взрывы. Гарнизон Белого дома ответил частым оружейным огнем. Юнкера бросили несколько ручных гранат и предложили гарнизону сдаться. Ответа не последовало. Началось новое забрасывание гранатами. Израсходовав все гранаты, юнкера вернулись в музей, потеряв 6 человек ранеными.

Вторая атака произошла через сутки, вечером 11 декабря и носила более упорный характер. На балконе музея был снова установлен пулемет. К Ангаре

был отправлен отряд юнкеров с пулеметом для обстрела здания с фронта. Обстрел был с трех сторон, а атака шла со двора дома, с Троицкой улицы. Несмотря на сильный огонь, гарнизон Белого дома продолжал упорно защищаться. После вторичной сигнальной ракеты обстрел был прекращен и гарнизону Белого дома приказано было сдаться, но в ответ на это осажденные открыли ураганный огонь, юнкера двинулись цепью к стенам дома.

„Подойдя почти к самым стенам, — вспоминает один из атакующих,—мы убедились, что сделали большую ошибку, атаковав это здание с тыла. Дело в том, что масса маленьких окон, выходящих во двор, служили осажденным отличными бойницами, из которых они расстреливали нас на совершенно открытом месте почти в упор. Кроме того, к дому примыкла фланкирующая постройка, из окон которой нас расстреливали косо-прицельным огнем. Оставаться в таком положении было нельзя. Пришлось под выстрелами противника, осыпающего нас градом пуль, отступить в более безопасное место. В этом деле мы потеряли всего 17 человек, в том числе 8 убитых“.

Итак, несмотря на превосходство вооружений противника (во второй атаке, напр., действовал со двора музея бомбомет, который выпустил по Белому дому 5 бомб)—гарнизон все-таки атаку вынес. О вооружении гарнизона т. Н.-Чужак пишет: „Увы, кроме бухающих берданок при ничтожном количестве патронов, которые белодомцы расстреляли к 8 дню, у нас ничего не имелось; несколько бесполезных револьверов в счет не идут“. Не надо забывать и того, что из большого гарнизона Белого дома значительная часть была просто не боеспособна. „Атаку отражали не более 30,—читаем мы у Н.-Чужака—и, нужно отдать им справедливость, дрались, как черти. Зотов летал как безумный, хватая нерасстрелянные патроны, действуя револьверами и винтовкой. Ему за эту ночь Белый дом обязан всем. Какой-то красногвардеец, старик, два раза раненый, бросался после перевязки снова в

драку. Солдаты дрались сосредоточенно и деловито".
Четвертый и пятый день осады, т. е. 13 и 14 декабря, прошли спокойно. Все внимание юнкеров в эти дни сосредоточивалось около гимназии Гайдук и понтонного моста, приходило подкрепление из Черемхово и Канска и юнкерам было не до Белого дома. На шестые сутки белодомцы получили предложение сдаться. Зотов огласил это предложение на собрании. Солдаты и красногвардейцы высказались против сдачи. Неустойчивая часть гарнизона, „шептуны" молчали.

К восьмому дню патроны были почти расстреляны, продовольствия не было, вместо воды с большим трудом можно было достать со двора грязного снегу.

„Картину Белый дом являл неутешительную". Кое-где оглоданные кости, стоны раненых, искалеченная внутренность дома, непрерывно шлепающие пули; адский холод и сквозняки. Вечером 16 декабря состялось совещание командного состава юнкеров. Совещание решило во что бы то ни стало взять Белый дом. Намечались переговоры о мире, юнкерам нужно было выговорить себе более выгодные условия и взятие Белого дома было бы на их стороне большим шансом. Был разработан подробный план атаки с применением всех родов оружия—пулеметов, бомбометов, минометов, гранат Новицкого и ручных гранат. На тот случай, если гарнизон Белого дома не пожелает сдаться, были приготовлены 2 четверти керосина, четверть бензина, смешанного со спиртом, пропитанная бензином пакля, несколько штук факелов, свечей и проч. Отряд юнкеров в составе 80 чел. был разбит на три отряда. Один отряд должен был обстреливать здание с фасада, другой—повести наступление со двора. Задача третьего заключалась в том, чтобы ворваться в здание. В час ночи начался по дому ураганный огонь пулеметов и бомбометов. Гарнизон отвечал ружейным огнем, но слабо (патроны были на исходе). На предложение сдаться, гарнизон открыл огонь. Нижний этаж был засыпан гранатами.

Зотов был ранен и Белый дом лишился своего последнего руководителя (Блюменфельд был ранен на третий день боев). Ворвавшись в нижний этаж здания, юнкера зажгли факелы и продолжали двигаться, бросая перед собой ручные гранаты, красные отчаянно сопротивлялись и уже в здании было убито и ранено несколько юнкеров и офицеров. Через несколько минут началась сдача гарнизона Белого дома. Юнкера захватили 136 человек здоровых, 17 раненых, 148 винтовок и несколько револьверов.

Пленных направили в Военное училище. Вместе со взятием Белого дома кончились бои. Наступало утро 17 декабря, когда первый день после восьмидневной канонады не стреляли пушки.

Белый дом был не единственным. Так с утра 8 декабря из красногвардейцев—рабочих обозных мастерских—был послан караул в канцелярию генерал-губернатора по Набережной. Красногвардейцы получили кажется по 3 и 4 обоймы патронов. С середины дня караул был отрезан юнкерами как от Белого дома, так и своей базы. Юнкера несколько раз подходили к дому, забрасывали в окна гранаты—красногвардейцы караульные отстреливались. По словам участника, юнкера почему-то преувеличивали силы караула. И только когда узнали через шпиона, что там всего 7 человек, которые расстреляли свои патроны и несколько дней ничего не ели, пошли в атаку и захватили караул в плен. Таких героев смельчаков было очень много.

V. ПОБЕДА.

Восьмидневные бои продолжались без особенного явного перевеса той или другой стороны. Юнкера упорно отстаивали захваченные с первого же дня боев городские кварталы. Среди массы красногвардейцев все более и более начинает расти убеждение, что „юнкарей“ не взять иначе, как поголовным выжиганием той части города, где они засели. Это несомненно было очень опасное настроение. Пожары гро-

зили бедствием всему городу, а прежде всего трудящемуся населению. С другой стороны вести дальше бои в городе было нельзя, ибо иссякало продовольствие, и запасти топлива было уже невозможно. Поэтому советская сторона пошла на мирные переговоры, считая, что соотношение сил все равно продиктует победу советской стороне.

17 декабря, в 5 час. утра обеими воюющими сторонами был подписан следующий договор.

А. По вопросу о конституции власти.

1. Комитет защиты революции и Военно-революционный комитет распускаются. Комиссары Военно-революционного комитета отзываются из всех учреждений.

2. Власть в г. Иркутске и в Иркутской губернии конструируется следующим образом: организуется Губернский совет, в который входят представители следующих организаций: Совет рабочих депутатов — два представителя, Совет крестьянских депутатов — три представителя, от губернского земства — два представителя, от городской думы — два представителя, от ж. д. союза один представитель, от п-т союза — один представитель, от союза профессиональных союзов — два представителя.

Губернский совет выделяет из себя президиум из трех лиц, который и является исполнительным органом Губернского совета.

3. Губернский совет обладает всей полнотой власти как в городе, так и губернии.

4. Это полнота власти должна принадлежать Губернскому совету, впередь до организации власти в центре и на местах в общегосударственном масштабе.

Б. О сокращении и расформировании частей войск.

1. Первая и вторая школа прапорщиков расформировываются и получают без производства свидетельства об окончании курса, согласно приказа по военному ведомству.

2. Наличность местного гарнизона, включая казачьи части, сокращается путем увольнения в отпуск впредь до особого распоряжения. Остаются на службе солдаты последних трех призывов. Освобождающимся при сокращении гарнизона офицерам должно быть предоставлено право выхода в отставку и в запас армии.

3. Части иногороднего гарнизона также как и иногородняя Красная гвардия подлежат выводу из гор. Иркутска.

4. Военное училище вперед до решения о военно-учебных заведениях в общегосударственном масштабе власти, признанной всем народом, не закрывается и продолжает функционировать.

5. Все пленные обеих сторон, за исключением мародеров и поджигателей, подлежат немедленному освобождению. Мародеры и поджигатели передаются военно-революционному суду.

6. После подписания настоящего соглашения военные действия немедленно прекращаются. Караулы и посты снимаются, а воинские части уводятся на свои места.

7. За выполнением настоящего соглашения, а равно за порядком по расформированию школ и сокращению гарнизона должен следить и принять соответствующие меры к выполнению Губернский совет, действующий в данном случае по соглашению с командующим войсками.

Подписали: представители Временного военно-революц. комитета: Янсон, Постышев, Богдыль, Парняков, Сташевский.

Представители Комитета защиты революции: Чичинадзе, П. Яковлев и другие.

Формально подходя к этому соглашению, надо признать, что большевики потерпели поражение. В договоре они не только не добились того, за что боролись в течение восьми дней (право посылать комис-

саров в учреждения), но и потеряли то, что фактически имели до боев. Чем объяснить такую уступчивость советской стороны? Через несколько дней в газете „Власть труда“ тов. Янсон писал об этом: „Представители советских сил проявили уступчивость, может быть даже чрезмерную, но для нас было ясно, что бумажный договор не может задержать изменений происходящих в соотношении физических и моральных сил сторон, договор не может остановить дальнейшую борьбу пролетариата, опирающегося на широкую массу“. Б. Шумяцкий спустя почти десять лет писал: „Необходимо оговориться, что делегаты советских войск, заключая этот договор, не учли того обстоятельства, что все крупнейшие советы Сибири — пожалуй только за исключением Читинского[1] — смотрели на необходимость разгрома контрреволюции в Иркутске как на свое собственное дело и поэтому усиленно формировали и отправляли в Иркутск подкрепления.

Участвовавшие же в мирных переговорах делегаты исходили только из соотношения борющихся сил на месте и поэтому в результате, сменив девятидневные ожесточенные уличные бои переговорами, подписали мирный договор, не удовлетворивший ни местных рабочих и солдат, ни тем более прибывших им на помощь солдат из других сибирских городов: Красноярска, Канска и Черемхово“.

Действительно если исходить из наличия советских сил *„на месте“*, то они далеко были недостаточны для того, чтобы навязать юнкерам свою волю. Основные силы советов были на другом берегу Ангары, в Глазково. Достойно замечания то обстоятельство, что перемирие 17 декабря было подписано представителями исполбюро юнкерских и казачьих войск, в то время как подписи представителей Красной гвардии и частей, прибывших на помощь из Красноярска и Канска, нет. Это можно объяснить только тем, что эти

[1] К моменту заключения мира Читинский объединенный комитет РСДРП, куда входили и большевики, прислал делегацию с целью помирить „оба враждующие крыла демократии“.

силы от Иркутска были отрезаны Ангарой. Неделю спустя после перемирия на общепартийном собрании тов. Янсон, говоря о конструкции власти, заявлял: „Мы принуждены были согласиться на такую власть потому, что к моменту мирных переговоров соотношение вооруженных сил продиктовало его". И так, этим договором недовольна была советская сторона, не особенно уверены были в своей „победе" и правые советские партии. Н-Чужак, попав в плен после штурма Белого дома, отметил, что у городского головы Чичинадзе, который был в юнкерском штабе чем то вроде политического советника — „вид был далеко не победоносный". Утром 17-го, когда по улицам свободно ходили толпы мирных граждан, юнкера и офицеры в своей форме могли свободно ходить только в своих кварталах, по выходе из расположения военных школ красногвардейские караулы обезаруживали их, а иногда и арестовывали. Среди буржуазии начинают проскальзывать нотки тревоги. Так через два дня после подписания мирного договора в городской думе представители военно-революционного штаба заявили, что „войска, расположенные на левом берегу Ангары, не будут отправлены по своим городам до тех пор пока в Иркутске не будет утверждена власть советов". Из речей гласных, наезжих делегатов, из разговоров в коридорах — излагает свои впечатления хроникер газеты „Сибирь"—выясняется, что „власти советов, вернее власти большевиков, нам не миновать... Школы прапорщиков распускаются, Иркутск стоит безоружным и бессильным, а там за рекою стоят свежие войска, прибывают новые эшелоны, пылающие желанием утвердить наконец в „контрреволюционном" Иркутске власть советов". Буржуазный хроникер был прав: силы складывались не в пользу контрреволюции. Через деньдва докладывал тов. Янсон партийному собранию: „К нам пришла помощь из городов, где уже создалась советская власть. Эти вновь прибывшие гарнизоны организовали свой штаб, который заявил, что вопрос о конструкции власти в г. Иркутске не может

быть решен только иркутскими товарищами. Иркутск центральный город Сибири в экономическом и политическом отношении и вопрос о власти в этом центральном городе может быть решен советами по крайней мере восточной и средней Сибири".

С другой стороны эсеры и меньшевики вырабатывая и подписывая текст договора, ставили ставку на Учредительное собрание, которое должно было открыться в начале января. Недаром предусмотрительно вставлены были пункты „о власти, признанной всем народом" и об организации какой-то новой власти „в центре и на местах". Но иркутской межеумочной власти не удалось дожить даже до открытия Учредительного собрания.

С начала создается как будто видимость новой коалиционной власти. Так создана была комиссия для расследования нарушения правил войны, где были Стрынкевич (прокурор, вскоре арестованный советской властью), Б. Сташевский (представитель революционного штаба), И. Дистлер (представитель городской думы) и Патиашвилли (формировал контрреволюционные грузинские части).

Насколько можно проследить по газетам того времени, Губернский совет собирался всего один раз— 18 или 19 декабря. На это первое собрание Губернского совета явились представители глазковского революционого штаба и заявили, что заключенный договор они не считают для себя обязательным и будут бороться за создание советской власти в Иркутске. Это было первое и вероятно последнее заседание Губернского совета. Межеумочная власть изжила себя раньше, чем даже думали об этом сами большевики.

В 1-м номере „Власть труда" от 30 декабря было опубликовано объявление Иркутского совета рабочих и солдатских депутатов, где заявлялось, что „так называемый Губерский совет, по своему составу и характеру не являющийся органом советской власти, противоречил принятому типу народной власти, которая выдвинута победой рабоче-крестьянской револю-

ции как в центре, так и на местах, распускается. Иркутский совет как и Окружное бюро немедленно приступает к выделению особых отделов и народных комиссаров для осуществления, в интересах беднейших слоев городского и сельского населения, советской власти". Так к концу декабря (формально 26 числа) Иркутск и губерния стали советскими.

Следует коснуться еще одного крупного факта гражданской войны в Иркутске — попытки вовлечения в нее иностранных консулов. Инициаторами этого вовлечения был поставлен вопрос об иностранной интервенции советской территории. История этого вопроса такова:

В момент заключения перемирия руководители юнкерского штаба полковники Иванов, Скипетров и Никитин укрылись в одном из иностранных консульств. „Дипломатический корпус" Иркутска пытался вмешаться в ход переговоров.

20 декабря Губернский совет посетила делегация консулов с запросом: гарантируется ли здесь, в Иркутске, подданным иностранных государств неприкосновенность личности и имущества. Ответ был следующий: „если власть будет находиться в руках Губернского совета, то гарантии будут даны, если же власть перейдет в руки советов, то Губернский совет таких гарантий дать не может". Повидимому, переговоры не ограничились тем, о чем официально было заявлено. По крайней мере хроникерская заметка эсеровской газеты говорила о том, что имеются сведения, „что китайские и японские власти, под влиянием событий в Сибири и в особенности в Иркутске, особенно поразивших их, намерены принять особые меры в целях охраны интересов иностранных подданных. С этой целью Манчжурия уже занята японскими войсками, но иностранные державы имеют намерение распространить свое влияние на Дальний Восток". Здесь была замаскированная угроза интервенцией, которая не заставляла себя долго ждать: в начале января во Владивостокский порт вошел японский крейсер.

Была делегация и в глазковском штабе у красных. Иностранцы в Глазково были 20 декабря, т. е. до формального конструирования власти советов, таким образом иностранные консулы хорошо разбирались в реальном соотношении сил. Им недостаточно было получить заверения Губернского совета, они обратились к настоящей власти. И характер беседы иностранцев с глазковским штабом носил такой вид, что обе стороны были убеждены, что настоящая власть в Иркутске и крае—это советская власть.

Об этом посещении тов. Б. Шумяцкий, который вел с ними официальные переговоры, передает следующее: консулы восьми государств были проведены в помещение бывш. офицерского собрания и там за большим столом состоялась любопытная беседа, проливающая свет на подготовку интервенции в Сибири... Цель своего посещения консулы объяснили так: как представители интересов иностранных держав, они требуют от новых властей письменной гарантии неприкосновенности жизни, имущества, торговли и других видов занятий подданных представляемых ими государств, в противном случае они снимают с себя ответственность и сохраняют за собой право искать этой защиты международным путем.

На вопрос представителей советской власти, что понимать под этим „путем", консулы указали, что так как большевики в борьбе с порядком и союзниками прибегли к помощи военнопленных немцев, нарушив тем самым лояльность по отношению к „союзникам", то державы вынуждены будут искать защиты от захвата Сибири немцами у надежных элементов и лояльных сил, намекая на ввод в Сибирь японских войск...

Представители советов отвергли эти домогательства консулов, указав им, что местные органы советской власти, блюдя интересы государства, рабочих и крестьян, не могут допустить вмешательства иностранцев во внутренние дела России и поэтому отводят вопросы о „немцах" и „союзниках", а для переговоров по основным вопросам рекомендуют дипломатам обра-

титься к центральному советскому правительству, Совету народных комиссаров в Петроград. Что же касается соблюдения экстерриториальности консулов, то поскольку от центрального правительства нет указаний не соблюдать ее, постольку она будет соблюдена. „Безопасность же иностранцам гарантируется советской властью так же, как и безопасность российских граждан вообще“. На прямой вопрос о выдаче укрывшихся руководителей контрреволюционеров консулы замяли его, обещав поговорить „в другой раз“. Так произошла встреча только, что народившейся власти советов с будущими организаторами иностранной интервенции в Сибири.

Таков был иркутский „декабрь“. Значение его идет гораздо дальше масштаба Иркутска или даже В. Сибири.

Победа советов в Иркутске вместе с тем была победой советов в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. В случае поражения советской власти в Иркутске—вне всякого сомнения этот город стал бы базой не только сибирской, но российской контрреволюции. Для Европейской России такой базой скоро стали Украина и главным образом Дон. Исход иркутских боев сделал невозможным существование контрреволюционной базы на территории Сибири и в связи с укреплением власти Центросибири в Иркутске, можно было только думать о разгоне Сибирской областной думы в Томске, так как эта дума в Сибири могла стать той печкой, от которой стала бы танцевать контрреволюция. У сибирской, как и у российской буржуазии были слишком слабы силы, чтобы выдержать один на один борьбу с рабоче-крестьянской властью. Нужна была иностранная интервенция. Дон и Украина оперлись на немецкие штыки, такими иностранными силами для Сибири были чехо-словацкие корпуса. Но это было еще впереди. Теперь после иркутского поражения таким плацдармом для сбора сил контрреволюции становится полоса отчуждения В.-Китайской жел. дор. Там с помощью китайских и японских

штыков ликвидируются солдатские рабочие советы и комитеты. В Харбине выдвигается на пост глазы российской контрреволюции генерал Хорват. Харбинским миром мазаны и адмирал Колчак и атаманы Семенов с Калмыковым. Иркутские события—самое крупное поражение сил контрреволюции в Сибири, в общерусском масштабе декабрьские бои уступают только октябрьско-ноябрьским дням в Москве. Они показали силу пролетариата и слабость контрреволюции и, напуганная иркутским опытом, она взялась за оружие только когда увидела рядом с собой чехо-словацкую силу. Последующая героическая борьба сибирского пролетариата и крестьянства как-то затмила иркутский декабрь“, но для семнадцатого года это была первая „славная героическая борьба с контрреволюцией.

ПРИЛОЖЕНИЕ I.

ИНФОРМАЦИЯ ЦЕНТРОСИБИРИ О РЕЗУЛЬТАТАХ ИРКУТСКИХ БОЕВ.

Количество жертв не установлено. Предполагается, что общее количество убитых и раненых с обеих сторон 1000 человек.

Потери юнкеров военного училища—убитых 17, раненых 55; первой школы—убитых 11, раненых 76; 2-ой школы—убитых—3, раненых 45. Среди раненых большая смертность.

Центральная часть города, где засели юнкера (Большая улица) пострадала от орудийных снарядов. Много зданий сгорело. Убытки миллионные. Сожжен снарядами Го ударственный банк, представлявший собою заслон 2-ой школы прапорщиков, в распоряжении которой имелось не мало пулеметов. Сгорел пассаж Второва.

Русско-Азиатский банк разгромлен. Пострадал музей и колокольня Тихвинской церкви откуда действовали пулеметы юнкеров. Пострадало много гостиниц и домов.

Во время восстания были грабежи, произзодимые уголозными элементами, попавшими в Иркутскую и Черемхозскую Красную гвардию. Грабежами занимались также казаки и преступный элемент. Комендантом города назначен прапорщик Лазо. Комиссариаты остались прежние, а комиссаром по военным делам остался Б. Шумяцкий, временно-командующий войсками Стремберг.

Сообщение восстановлено, телефон и электрическое освещение исправляются. Железнодорожное сообщение не прерывалось. Иногородние части войск возвращаются обратно с взятыми от юнкеров пулеметами.

ОБЪЯВЛЕНИЕ ИРКУТСКОГО СОВЕТА РАБ. И СОЛД. ДЕПУТАТОВ.

Рассматривая выступление юнкеров и казаков 8—17 декабря, как восстание против Октябрьской рабоче-крестьянской революции, восстание против доподлинной народной власти—власти Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, вся ответственность за которое ложится на те политические партии и группы, которые все время вели систематическую борьбу против советов, против рабоче-крестьянской революции, и которые вооружали юнкеров политически и материально. Констатируя, что советские войска Иркутского гарнизона и красногвардейцы, советские войска, солдаты и красногвардейцы соседних городов, мужественно отстаивая с оружием в руках завоевания рабоче-крестьянской революции, покрыли себя неувядаемой славой защитников рабоче-крестьянского дела,—Иркутский совет рабочих и солдатских депутатов в заседании 22-го декабря вновь подтвердил, что только власть рабочих, солдат и беднейших крестьян есть единственная власть, могущая защищать интересы городской и деревенской бедноты.

Совет постановляет:

1. Вся полнота власти в г. Иркутске, губернии и округе переходит к Иркутскому совету рабочих и солдатских депутатов и Окружному бюро советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Восточной Сибири.

2. Так называемый Губернский совет, по своему составу и характеру не являющийся органом советской власти и противоречащий тому типу народной власти, которая выдвинута победой рабоче-крестьянской революции как в центре, так и на местах, распускается.

3. Иркутский совет, как и Окружное бюро, немедленно приступает к выделению особых отделов и народных комиссаров для осуществления, в интере-

сах беднейших слоев городского и сельского населения, советской власти.

Газета „Власть труда“ 10/XII—1931 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ III.

ЦЕРЕМОНИАЛ ПОХОРОН ЖЕРТВ РЕВОЛЮЦИИ.

Протокол совещания представителей по разработке плана шествия похоронной процессии 31 декабря 1917 года.

Совещание, обсудив всесторонне затронутый вопрос, разработало следующий план шествия похорон жертв рабоче-крестьянской революции в Иркутске.

Сборный пункт—Тихвинская площадь, куда и прибывают к 11 часам дня все войсковые части, Красная гвардия, профессиональные организации, Комитет советских организаций, представители социалистических партий и советских и других организаций, провинциальных городов—становятся в следующем порядке, каковой в тоже время будет и порядком следования процессии до Кузнецовской больницы.

1. Комитет советских организаций Восточной Сибири и представители от советских организаций и социалистических партий провинциальных городов становятся во главе шествия на Амурской улице, около банка лицом к Большой улице.

2. Комитеты социалистических партий иркутских организаций.

3. 12-ый полк.

4. Красная гвардия (первоначальный сборный пункт ее в Военном училище в 10 часов утра).

5. 11-ый полк.

6. 718-ая и 715 дружины.

7. Все профессиональные союзы во главе с Центральным бюро (первоначальный сборный пункт в Промышленном училище в 10 часов утра).

8. 10-ый полк.

9. 9-ый полк.

10. Артиллерийский дивизион.

Ровно в 12 часов дня процессия движется по Амурской, Большой, Троицкой, Казарминской, Набережной до главных ворот Кузнецовской больницы.

К этому моменту из больницы выносятся и вывозятся гробы с жертвами и процессия следует далее: по Набережной, Мастерской, Нижне-Амурской, Преображенской, 6-ой Солдатской и по Большой к месту Братской могилы у стен Белого дома.

Гробы опускаются в могилу, Комитет советских организаций становится у Белого дома и вся процессия, склоняя свои знамена, дефелирует мимо Комитета по Набережной в сторону понтонного моста.

Отдав последний долг павшим борцам за советскую власть и пройдя Комитет советских организаций, все участники похоронной процессии расходятся по домам.

Пехота, артиллерия и Красная гвардия участвуют в процессии с оружием.

Для отдания воинских почестей погибшим борцам будет сделан салют из пушек и ружей.

О дне похорон солдат и красногвардейцев последует особое объявление комиссии; провинциальные же советские организации Восточной Сибири будут извещены телеграфом.

Подписали: *Председатель И. Лобанов.*
Секретарь И. Толстой.

СЕГОДНЯ В ИРКУТСКЕ БРАТСКИЕ ПОХОРОНЫ ТОВАРИЩЕЙ, ПОГИБШИХ В БОРЬБЕ С ЮНКЕРАМИ И КАЗАКАМИ.

Сегодня иркутские рабочие и солдаты в братской могиле хоронят своих героев, павших славною смертью в борьбе с контрреволюционными юнкерами, офицерством и казаками.

200 дорогих трупов будет опущено в эту общую братскую могилу и холодная земля Набережной улицы, омываемой бурноводной Ангарой под стенами Белого дома, выдержавшего восьмисуточную осаду врагов народа, отныне считается святой, революционной землей, куда будут стекаться толпы городской и сельской бедноты, чтобы благоговейно чтить память людей, павших за рабоче-крестьянское дело.

Святые имена безвестных революционеров простой народ не забудет никогда.

А те кто свел их в могилу, все эти слуги капитала, все его союзники пусть будут прокляты отныне и вовеки за все содеянное ими, за то, что вложили в руки юнкеров и казаков отточенный кинжал.

Не забудьте имена этих проклятых Тимофеевых. Чичинадзе, Яковлевых и других, кто даже в дни революционного мятежа не выползал из юнкерского. казачьего штаба, освещая своим предательским присутствием разбойничью работу своры юнкеров и казаков.

Не забудем их имена, убийц наших товарищей, еще и потому, что даже тогда, когда дело контрреволюционеров в г. Иркутске было проиграно и советские войска раздавили гидру старого строя, господа правые эсеры не погнушались пойти в соприкосновение с консулами империалистических правительств Японии, Китая и других капиталистических стран с плохо скрытым намерением втянуть их вооруженные силы в борьбу против русских рабочих, солдат и крестьян. И в Харбине, Манчжурии уже сделано начало этого мерзкого дела.

Но мы клянемся над братской могилой народных борцов не забыть всего этого, не забыть великий подвиг наших безвестных героев и их завет:

— Жить свободно или умереть в бою!

Вечная память борцам за рабоче-крестьянское дело Сибири.

Газ. „Рабоче-крестьянская газета“ от 6/19 января 1918 г.

ВЫПИСКА

из постановления бюро Иркутского Горкома о проведении 15-тилетнего юбилея декабрьских событий в г. Иркутске.

Декабрь месяц является героической страницей в борьбе иркутских рабочих под руководством большевиков за советскую власть.

29 декабря 1917 г. организованными в г. Иркутске и его окрестностях отрядами Красной гвардии и боевыми рабочими дружинами на 9-й день ожесточенных боев с помощью черемховских, красноярских и канских рабочих и крестьян было окончательно подавлено вооруженное восстание юнкеров, как конец владычества временного правительства Керенского в Иркутске.

29 декабря является днем 15-тилетнего юбилея советской власти в г. Иркутске и бывшей Иркутской губернии, бюро иркутского ГК ВКП(б) постановляет:

1. Провести широкую популяризацию декабрьских событий в Иркутске среди партийных и б/партийных рабочих и всех трудящихся масс г. Иркутска под углом задач, стоящих перед партией и соввластью в настоящее время и в частности горпарторганизацией.

а) Поручить т. Гудошникову написать популярную брошюру „Декабрьские бои 1917 года“.

б) поручить фр. ГСПС организовать массовые рабочие собрания 27/XII с постановкой докладов „Декабрьские бои 1917 г. в г. Иркутске“. РК партии обеспечить докладчиками, агитмассовому отделу ГК организовать снабжение материалами и инструктажем.

в) поручить фр. ГСПС организовать массовую проработку этих событий в секциях и депутатских группах, предприятиях и учреждениях.

г) поручить Культпропу ГК дать указания по сети партпросвещения о проработке темы „Декабрьские бои 17 года“ во всех школах и кружках, обеспечив соответствующими пособиями, а также дать указания Гороно о проведении бесед в начальных и средних школах.

2. Созвать 28/XII торжественный пленум иркутского совета совместно с партийными, профсоюзными, комсомольскими организациями и бывшими красногвардейцами участниками события.

Пленум провести в здании Института снабжения— известном по историческим событиям под названием Белого дома бывш. революционным штабом.

На торжественном пленуме провести чествование и награждение активных заслуженных участников декабрьских событий.

3. Поручить фр. ГС на Белом доме в память декабрьских боев водрузить мемориальную доску с соответствующим текстом.

В связи с этим поручить фр. ГСПС организовать 30 декабря демонстрацию рабочих к Белому дому, где провести митинг.

4. В виду того, что декабрьские бои сосредоточивались в первой их стадии за обладание понтонным

мостом через Ангару, считать необходимым в памят-
этих боев вновь строющийся через Ангару мост наз
звать Декабрьским, внести это на утверждение Край-
кома.

5. Поручить директору Союзкинохроники заснять на киноленту места боев (Набережную, понтон, Белый дом, Глазково) для демонстрации в иркутских кино-театрах.

6. Считать необходимым в саду „Парижской коммуны“ установить памятник жертвам „декабрьских боев“. Поручить фр. горсовета разработать проект памятника.

7. Поручить фр. горсовета соответствующим образом организовать художественное украшение города.

8. Поручить директору музея т. Пьянкову организовать выставки по декабрьским событиям, а ГСПС организовать организованные посещения.

Секретарь ГК ВКП(б) **Снегов.**

СПИСОК

литературы по истории борьбы за власть советов в Иркутске (1917 г.)

1. Абов А. — Октябрь в Восточной Сибири (отрывки из воспоминаний), журн. „Сибирские огни". 1924 г. № 4.

2. Виленский-Сибиряков Вл. — Октябрьские дни в Сибири (по личным воспоминаниям), журн. „Пролетарская революция" 1921 г. № 1.

3. Виленский - Сибиряков Вл.— Борьба за советскую Сибирь (Центросибирь) 1917 — 1918 гг. Москва. 1926 г., изд. „Северная Азия".

4. Владимирова Вера. Из недавнего прошлого. М.-Л., изд. „Молодая гвардия". 1924 г.

5. Знаменская Р. А. — Иркутск в борьбе за власть советов". Иркутск. 1929 г.

6. Знаменская Р. А. — Хрестоматия по истории Сибири. Сибкрайиздат. 1930 г.

7. Кудрявцев Ф. — Октябрь в Восточной Сибири, журн. „Будущая Сибирь" № 4 — 6. 1932 г.

8. Максаков В. и Турунов А. — Хроника гражданской войны в Сибири (1917 — 1918 гг.) со вступительной статьей Б. Шумяцкого „Организации с.-д. большевиков в Сибири в 1917 г." Гиз. 1926 г.

9. Огнетов. — Борьба за советскую власть в Иркутской губернии 1917 г., журн. „Коммунист". Иркутск, 1922 г. № 10.

10. „Октябрь в Сибири", гл. III. Иркутск. Воспоминания красной сестры. (О. Иогансон), журн. „Пролетарская революция", 1922 г. № 10.

11. Турунов А. Н. и Вегман В. Д. — Революция и гражданская война в Сибири. Указатель книг и журнальных статей. Новосибирск. Сибкрайиздат. 1928 г.

12. Чужак-Н. — Разрушение иллюзий. Осколок Сибири, журн. „Каторга и ссылка". 1927 г. № 7 (36). — Воспоминания о декабрьских событиях в Иркутске в 1917 г.

13. „Центросибирцы". Сборник памяти погибших членов Центрального Исполнительного Комитета Советов Сибири, издат. „Московский рабочий". 1927 г.

14. Шумяцкий Б. — Сибирь на путях к Октябрю. Гиз. 1927 г.

15. Эйдеман Р.—Декабрьские дни в Иркутске. Воспоминания участника („Война и революция"). Орган Центр. Совета Осоавиахима. М. 1927 г. № 10 — 11.

16. Эйдеман Р. — Уличные бои во время восстания. Журн. „Сибирские огни" 1927 г. № 6 (о декабрьских боях 1917 г. в Иркутске).

17. Алексеев Н. — Иркутск в начале Октябрьской революции. „Кат. и ссылка" 11 — 12. 1932.

18. Шумяцкий Я. — От февраля к октябрю в Иркутске. „Кат. и ссылка" 2, 1932.

19. Янсон Я. Октябрьская революция и восстание юнкеров в Иркутске. „Кат. и ссылка 11 — 12. 1932.

В газетах того времени заслуживают внимания статьи.

1. А. Вий—„Декабрьские события 1917 в Иркутске". „Власть труда", 7/XI—1924.

2. Н. Катин — „Из истории декабрьских дней в Иркутске", „Сибирь", дек. 1917.

3. Н. Сашин — „Страшные дни в Иркутске". „Ирк. жизнь", дек. 1917.

4. Олесин. — „Кровавые дни". „Иркутская жизнь", дек. 17 г

5. Я. Янсон — „Гражданская война в Иркутске" „Власть труда", дек. 1917 г.

6. В. Бергер — „К событиям в Иркутске". „Власть труда", янв. 1918 г.

7. Н. Ф. Насимович (Чужак) — „Правда о Белом доме". „Власть труда",. янв. 1918.

8. В. Чеканов — „Рассказ юнкера". „Путь народа", янв. 1918. Томск.

9. Краток. „Ирк. школа прапорщиков до гражд. войны". „Вл. труда", янв. 18 г.

10. Гамбузинов — „Иркутские бои", ст. помещена в благовещенской газете, у меня были вырезки из этой газеты, названия узнать не удалось.

Кроме того, в моем распоряжении был безыменный „Дневник иркутянки", ценный по мелким бытовым штрихам. Во время писания брошюры я беседовал с рядом участников боев, которые поделились со мной своими воспоминаниями.

Есть еще книжка известного черемховского анархиста А. Н. Буйских „Революционные очерки". Новониколаевск, 1922 г., но ни в одной иркутской библиотеке этой книги не оказалось и она мною не использована.

Отв. редактор Г. Ножнов.

Техредактор З. Коренюк

Иркутск, типография Крайгиза. Заказ № 3197. Уполномочен. Крайлита при Гизе № 800. Гиз № 361. Тираж 5150. Сдано в набор 17 декабря. Подписано к печати 21 декабря 1932 года. Печатных знаков в одном печатном листе 34.528. Формат бумаги 72×108 1/32. Бумажных листов 1

Цена 40 коп.

Инд. IX--П—З—4б

